

[Polaris]

ЧЕРВЬ

СМЕРТИ

Метаморфозы олгой — хорхоя

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LI

Salamandra P.V.V.

ЧЕРВЬ СМЕРТИ

Метаморфозы олгой-хорхоя

Salamandra P.V.V.

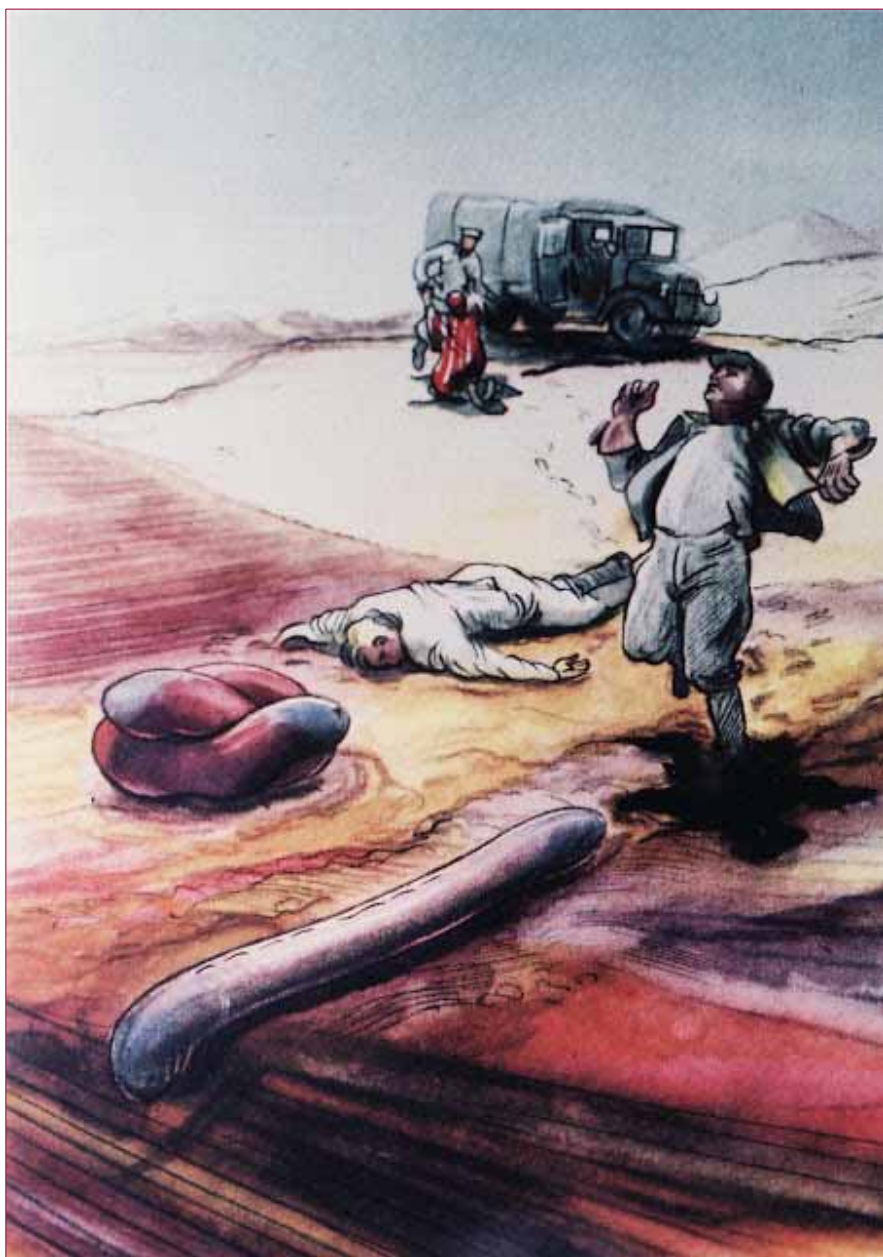
Червь смерти: Метаморфозы олгой-хорхой. Сост. и комм. В. Барсукова и М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 115 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LI).

В сборник вошли тексты, посвященные загадочному и смертоносному червю пустыни Гоби – олгой-хорхой. Среди них есть и научно-фантастические рассказы, и отчеты путешественников и исследователей – а также криптозоологическая статья и одна смелая научная мистификация...

© Authors, 2014

© V. Barsukov, M. Fomenko, переводы, комментарии, 2014

© Salamandra P.V.V., состав, оформление, 2014

ЧЕРВЬ СМЕРТИ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В этот сборник вошли тексты, посвященные загадочному существу пустыни Гоби — смертоносному червю олгой-хорхой.

Открывают книгу два сообщения Роя Чепмена Эндрюса — путешественника, исследователя, палеонтолога, искателя приключений, директора Американского музея естественной истории и руководителя знаменитых монгольских экспедиций двадцатых годов. Именно Эндрюс в 1926 г. первым из западных ученых известил мир о таинственном черве.

За ними следует хрестоматийный научно-фантастический рассказ И. Ефремова «Олгой-хорхой». Далеко не всем известно, что виднейший советский палеонтолог и писатель-фантаст сочинил этот рассказ, еще не побывав в Монголии, а сведения об олгой-хорхое заимствовал у Эндрюса. Позднее Ефремов рассказал об олгой-хорхое и в документальной повести «Дорога ветров».

Новеллу А. и Б. Стругацких и рассказ фантастов С. Ахметова и А. Янтера «Синяя смерть» правильней всего назвать оммажами. Оммаж — это творческая дань уважения художнику и созданному им миру, в данном случае — «ефремовскому» олгой-хорхой.

В 1956 г. олгой-хорхой стал героем остроумной научной мистификации известных герпетологов Чарльза Богерта и Рафаэля дель Кампо. До сих пор читатель мог ознакомиться с ней лишь в вольном и несколько сумбурном изложении биолога и популяризатора И. Акимущкина, которое этот автор включил в книгу «Следы невиданных зверей» (1961).

Своим «вторым пришествием» олгой-хорхой обязан чешскому «искателю загадок» И. Мацкерле. В сборник включены статьи Мацкерле и британского путешественника А. Дэвиса о поисках олгой-хорхоя в Гоби.

Сборник заключает статья видного британского криптозоолога Карла Шукера. Благодаря публикациям Шукера олгой-хорхой, получивший название «монгольского червя смерти», уже в начале XXI в. стал широко известен в фортеанских и криптозоологических кругах.

В. Барсуков, М. Фоменко

Рой Чепмен Эндрюс

Из книги
«По следам первобытного человека»

(1926)

Через несколько дней мы наконец были приглашены в министерство иностранных дел, где должны были обсуждаться окончательные детали пропусков экспедиции. Премьер-министр и другие должностные лица заседали за большим столом. Мне был предложен договор, налагавший на экспедицию известные запрещения и обязательства. По внесении некоторых поправок, договор был наконец подписан. Затем премьер-министр попросил меня сделать все возможное, чтобы поймать для монгольского правительства экземпляр «Алегорхая-Хорхая». Я сомневаюсь, чтобы кому-нибудь из моих читателей было известно это животное. Мне оно было знакомо потому, что я часто слышал о нем. Никто из присутствующих не видел этого животного, но, тем не менее, все твердо верили в его существование и даже описывали мне подробно его внешний вид: оно имеет форму колбасы, длиною около двух футов, лишено головы и ног и настолько ядовито, что одного прикосновения к нему достаточно, чтобы умереть. Животное это водится якобы в самых отдаленных частях пустыни Гоби. Премьер-министр заявил мне, что, хотя сам лично он его и не видел, но знал человека, видевшего его и рассказавшего его историю. Один из членов кабинета министров добавил тут же, что кузина его последней жены тоже видела это таинственное существо. Я, конечно, пообещал добыть Алегорхай-Хорхая, если только нам удастся напасть на его след. [Я объяснил, что его можно схватить с помощью длинных стальных щипцов для сбора коллекций; более того, я мог бы надеть темные очки, чтобы избежать ужасных последствий взгляда на это ядовитое создание]. Таким образом, совещание закончилось самым дружеским образом: у нас был общий интерес — поимка Алегорхая-Хорхая. Отныне проезд по внутренней Монголии становился для нас совершенно свободным.

Рой Чепмен Эндрюс

АЛЛЕРГОРХАЙ-ХОРХАЙ

(Из книги «Новое завоевание
Центральной Азии», 1932)

На встрече с членами кабинета министров премьер-министр попросил меня изловить для монгольского правительства экземпляр *Аллергорхая хорхая*. Вероятно, это совершенно мифическое животное, но оно может иметь под собой и некоторую реальную почву, ибо всякий монгол с севера твердо верит в его существование и все они приводят в общем и целом одно и то же описание. Говорят, что в нем около двух футов длины, тело имеет форму колбасы, головы или ног нет; существо настолько ядовито, что одно прикосновение к нему вызывает смерть. Сообщается, что оно обитает в самых засушливых, песчаных районах западной Гоби. Остается тайной, какая рептилия могла послужить основой для этого описания!

Я еще не встречал монгола, который признался бы, что сам видел животное, хотя десятки людей утверждают, что знакомы с теми, кто его видел. Мало того, стоило нам оказаться в районе, описываемом как излюбленное место обитания зверя, монголы в этом месте говорили нам, что он в изобилии водится в нескольких милях поодаль. Если бы вера в его существование не была такой твердой и повсеместной, я отверг бы все это как пустую легенду. Я сообщаю здесь эти факты в надежде, что будущим исследователям Гоби повезет больше, чем нам, в поимке *Аллергорхая хорхая*.

Иван Ефремов

ОЛГОЙ-ХОРХОЙ

Рисунки В. Таубера

По приглашению правительства Монгольской Народной Республики я проработал два лета, выполняя геодезические работы на южной границе Монголии. Наконец мне оставалось поставить и вычислить два-три астрономических пункта в юго-западном углу границы Монгольской Республики с Китаем. Выполнение этого дела в труднопроходимых безводных песках представляло серьезную задачу. Снаряжение большого верблюжьего каравана требовало много времени. Кроме того, передвижение этим архаическим способом казалось мне нестерпимо медленным, особенно после того, как я привык переноситься из одного места в другое на автомобиле. Верная моя «газовская» полутонка добросовестно служила мне до сих пор, но, конечно, сунуться на ней в столь страшные пески было просто невозможно. Другой пригодной машины не было под руками. Пока мы с представителем Монгольского ученого комитета ломали голову, как выйти из положения, в Улан-Батор прибыла большая научная советская экспедиция. Ее новенькие, превосходно оборудованные грузовики, обутые в какие-то особенные сверхбаллоны специально для передвижения по пескам, пленили все население Улан-Батора. Мой шофер Гриша, очень молодой, увлекающийся, но способный механик, любитель далеких поездок, уже не раз

бегал в гараж экспедиции, где он с завистью рассматривал невиданное новшество. Он-то и подал мне идею, после осуществления которой с помощью Ученого комитета наша машина получила новые «ноги», по выражению Гриши. Эти «ноги» представляли собой очень маленькие колеса, пожалуй меньше тормозных барабанов, на которые надевались непомерной толщины баллоны с сильно выдающимися выступами. Испытание нашей машины на сверхбаллонах в песках показало действительно великолепную ее проходимость. Для меня, человека большого опыта по передвижению на автомашине в разных бездорожных местах, казалась просто невероятной та легкость, с которой машина шла по самому рыхлому и глубокому песку. Что касается Гриши, то он клялся проехать на сверхбаллонах без остановки всю Черную Гоби с востока на запад.

Автомобильных дел мастера из экспедиции снабдили нас, кроме сверхбаллонов, еще разными инструкциями, советами, а также множеством добрых пожеланий. Вскоре наш дом на колесах, простившись с Улан-Батором, исчез в облаке пыли и понесся по направлению на Цецерлег. В обтянутом брезентом, на манер фургона, кузове лежали драгоценные сверхбаллоны, громыхали баки для воды и запасная бочка для бензина. Многократные поездки выработали точное расписание размещения людей и вещей. В кабине с шофером сидел я за специально пристроенным откидным столиком для пикетажной книжки. Тут же помещался маленький морской компас, по которому я записывал курс, а по спидометру — расстояния, пройденные машиной. В кузове, в передних углах, помещались два больших ящика с запасными частями и резиной. На них восседали: мой помощник — радист и вычислитель, и проводник Дархин, исполнявший также обязанности переводчика, умный старый монгол, много повидавший на своем веку. Он сидел на ящике слева, чтобы, склонившись к окну кабины, указывать Грише направление. Радист, мой тезка, страстный охотник, восседал на правом ящике с биноклем и винтовкой, охраняя в то же время теодолит и универсал Гильдебранта... Позади них кузов был аккуратно заполнен

свернутыми постелями, палаткой, посудой, продовольствием и прочими вещами, необходимыми в дороге.

Путь лежал к озеру Орок-нор и оттуда в самую южную часть республики, в Заалтайскую Гоби, около трехсот километров к югу от озера. Наша машина пересекла Хангайские горы и выбралась на большой автомобильный тракт. Здесь, в селении Таца-гол, в большом гараже мы проверили машину и запаслись горючим на весь путь, подготовившись таким образом к решительной схватке с неизвестными песчаными пространствами Заалтайской Гоби. Бензин на обратную дорогу нам должны были забросить на Орок-нор.

Все шло очень хорошо в этой поездке. До Орок-нора нам встретилось несколько трудных песчаных участков, но с помощью чудодейственных сверхбаллонов мы прошли их без особых затруднений и к вечеру третьего дня увидели отливающую красноватым светом ровную поверхность горы Ихэ. Как бы радуясь вечерней прохладе, мотор бодро пофыркивал на подъемах. Я решил воспользоваться холодной ночью, и мы ехали в мечущемся свете фар почти до рассвета, пока не заметили с гребня глинистого холма темную ленту зарослей на берегу Орок-нора. Дремавшие наверху проводник и Миша слезли с машины. Площадка для стоянки была найдена, топливо собрано, и вся наша небольшая компания расположилась на кошке у машины пить чай и обсуждать план дальнейших действий. Отсюда начинался неизвестный маршрут, и я хотел вначале его наблюдать и поставить астрономический пункт, проверив казавшиеся мне сомнительными наблюдения Владимирцева. Шофер хотел хорошенько проверить и подготовить машину, Миша – настрелять дичи, а старый Дархин – толковать о дороге с местными араатами. Объявленная мною остановка на сутки была принята со всеобщим одобрением.

Определив, с какой стороны и под каким углом машина дольше задержит лучи утреннего солнца, мы улеглись около нее на широкой кошке. Влажный ветерок чуть шелестел камышом, и особенный аромат какой-то травы сме-

шивался с запахом нагретой машины — комбинацией запахов бензина, резины и масла. Так приятно было вытянуть уставшие ноги и, лежа на спине, вглядываться в светлевшее небо! Я быстро уснул, но еще раньше услышал рядом с собой ровное дыхание Гриши. Проводник с помощником долго шептались о чем-то. Проснулся я от жары. Солнце, отхватив большую часть тени, отбрасываемой машиной, сильно нагрело мои ноги. Шофер, вполголоса напевая что-то, копошился у передних колес. Миши и проводника не было. Я встал, искупался в озере и, напившись приготовленного мне чаю, стал помогать шоферу.

Быстрелы, раздавшиеся вдалеке, свидетельствовали о том, что Миша тоже не теряет времени даром. Возню с машиной мы закончили под вечер. Миша принес несколько уток — из них двух каких-то очень красивых, неизвестной мне породы. Шофер занялся приготовлением супа, а Миша установил походную антенну и вытащил радиостанцию, готовя ее к ночному приему сигналов времени. Я бродил вокруг лагеря, выбирая площадку для наблюдения и постановки столба. Подойдя к машине, я увидел, что обед уже готов. Проводник, который тоже вернулся, что-то рассказывал шоферу и Мише. При моем появлении старик замолчал. Гриша, широко и беззаботно улыбаясь, сказал мне:

— Страшает нас Дархин, прямо нет спасения, Михаил Ильич! Говорит, что прямо к бесу в лапы завтра попадем!..

— Что такое, Дархин? — спросил я проводника, подсаживаясь к котлу, установленному на разостланном брезенте.

Старый монгол негодуяще посмотрел на шофера и с мрачным видом пробормотал о смешливости и непонятливости Гриши:

— Гришка всегда хохочет, беду совсем не понимает...

Веселый смех молодых людей, последовавший за этим заявлением, совсем рассердил старика. Я успокоил Дархина и стал расспрашивать его о завтрашнем пути. Оказалось, что он получил подробные сведения от местных монголов. Сухим стебельком Дархин начертил на песке несколько тонких линий, означавших отдельные горные груп-

пы, на которые распадался здесь Монгольский Алтай. Через широкую долину, западнее Ихэ-Богдо, наш путь лежал прямо на юг по старой караванной тропе, через песчаную равнину, к колодцу Цаган-Тологой, до которого, по сообщению Дархина, было пятьдесят километров. Оттуда шла довольно хорошая дорога по глинистым солонцам, протяженностью около двухсот пятидесяти километров, до горной гряды Ноин-Богдо. За этими горами к западу шла широкая полоса грозных песков, не менее сорока километров с севера на юг, — пустыня Долон-Хали-Гоби, а за ней, до самой границы Китая, тянулись пески Джунгарской Гоби. Эти пески, по словам Дархина, были совершенно безводны и безлюдны и слыли у монголов зловещим местом, в которое опасно было попадать. Такая же дурная слава шла и про западный угол Долон-Хали-Гоби. Я постарался уверить старика в том, что при быстроходности нашей машины — он мог познакомиться с ней за время пути — пески нам не будут опасны. Да мы и не собираемся долго задерживаться в них. Я только посмотрю на звезды — и обратно. Дархин молча покачал головой и ничего не сказал. Однако ехать с нами он не отказался.

Ночь прошла спокойно. Я с трудом и неохотно поднялся до рассвета, разбуженный Дархином. Мотор гулко зашумел в предутренней тишине, будя еще не проснувшихся птиц. Свежая прохлада вызывала легкую дрожь, но в кабине я согрелся и опустил стекло. Машина шла быстро, сильно раскачиваясь. Пейзаж ничем не привлекал внимания, и скоро я начал дремать. Хорошо дремлетесь, если высунуть локоть согнутой руки из окна кабины и положить голову на руку. Я просыпался при сильных толчках, отмечал компас и снова дремал, пока не выспался. Шофер остановил машину. Я закурил, прогнав последние остатки сна. Мы находились у самой подошвы гор. Солнце жгло уже сильно. Баллоны нагрелись до того, что нельзя было притронуться к их узорчатой черной резине. Все вылезли из машины размяться. Гриша по обыкновению осматривал свою «машинушку», или «машу», как он еще называл доблестную полуторатонку. Дархин всматривался в крутые крас-

новатые склоны, от которых шли в степь длинные хвосты осыпей. Солнечные лучи падали параллельно линии гор, и каждая выбоина коричневых или карминно-красных обрывов, каждая долина или промоина были заполнены густыми синими тенями, образовавшими самые фантастические узоры.

Я любовался причудливой раскраской и впервые понял, откуда, должно быть, ведет свое начало сине-красный узор монгольских ковров. Дархин показал далеко в стороне, к западу, широкую долину, разрезавшую поперек горную цепь, и, когда мы расселись по своим местам, шофер повернул уже остывшую машину направо. Солнце все сильнее накаляло капот и кабину, мощность перегревшегося мотора упала, и даже на небольшие подъемы приходилось лезть на первой передаче. Почти непрерывное завывание машины угнетающе действовало на Гришу, и я не раз ловил его укоризненные взгляды, но не подавал виду, надеясь добраться до какой-нибудь воды, чтобы не расходовать прекрасную воду из озера. Мои ожидания не были напрасны: слева мелькнул крутой обрыв глубокого ущелья, с травой на дне, того самого ущелья, в которое нам предстояло углубиться. Несколько минут спуска – и Гриша, довольно улыбаясь, остановил машину на свежей траве. Под обрывом скал, по характеру места, должен был быть родник. Крутые скалы отбрасывали благодатную тень. Ее синеватый плащ укрыл нас от ярости беспощадного царя пустыни – солнца, и мы занялись чаепитием у подножия скал.

Едва жара начала «отпускать», мы все заснули, чтобы набраться сил для ночной езды. Спал я долго и едва открыл глаза, как услышал громкое восклицание шофера:

— Смотрите скорее, Михаил Ильич! Я все боялся, что проспите и не увидите... Я спросонок даже испугался — понять ничего не мог. Прямо пожар кругом.

Я поднялся, ничего не соображая, и вдруг замер.

В самом деле, окружающий нас пейзаж казался невероятным сновидением. Отвесные кручи красных скал слева и справа от нас алели настоящим пламенем в лучах заходящего солнца. Глубокая синяя тень разливалась вдоль

подножия гор и по дну ущелья, сглаживая мелкие неровности и придавая местности мрачный оттенок. А надо всем этим высилась сплошная стена алого огня, в которой причудливые формы выветривания создавали синие провалы. Из провалов выступали башни, террасы, арки и лестницы, также ярко пылавшие, — целый фантастический город из пламени. Прямо впереди нас, вдали, в ущелье, сходились две стены: левая — огневая, правая — исчерна-синяя. Зрелище было настолько захватывающим, что все мы застыли в невольном молчании.

— Ну-ну!.. — Гриша очнулся первым. — Попробуй расскажи в Улан-Баторе про такое — девки с тобой гулять перестанут, скажут: «Допился парень до ручки...» Заехали в такие места, что как бы Дархин не оказался прав...

Монгол ничем не отозвался на упоминание его имени. Неподвижно сидя на кошме, он не отрывал глаз от пылающего ущелья. Огненные краски меркли, постепенно голубея. Откуда-то едва потянуло прохладой. Пора было трогаться в путь. Мы покурили, уничтожили по банке сгущенного молока, и снова крыша кабины закрыла от меня небо. Дорога бежала и бежала под край радиатора и крыло машины. Фара, обращенная ко мне своим выпуклым затылком с кольчатым проводом, настороженно уставилась вперед, вздрагивая при сильных толчках. До наступления темноты мы подъехали к колодцу Бор-Хисуты, представлявшему собой защищенный камнями родник с горьковатой водой. Впереди маячили какие-то холмы, названия которых Дархин не знал.

Стемнело. Скрещенные лучи фар побежали впереди машины, увеличивая в своем скользящем косом свете все мелкие неровности дороги. Плотнее придвинулась темнота, и чувство оторванности от всего мира стало еще сильнее... Прямо впереди нас поднималась, вырастая, темная, неопределенных очертаний масса — должно быть, какие-то холмы. Пора было остановиться, передохнуть до рассвета. У холмов могли быть овраги — ночная езда здесь была рискованной. Скоро в багровеющем небе четко вырисовались закругленные вершины холмов — хребет Ноин-Богдо, в

этом месте сильно пониженный. Легко преодолев перевал, мы остановились на выходе из широкой долины, чтобы надеть сверхбаллоны: мы вступали в Долон-Хали-Гоби. Пустыня расстилала перед нами свой однотонный красновато-серый ковер. Далеко, в туманной дымке, едва угадывалась полоска гор. Горы эти, в старину называвшиеся «Койси-Кара», и были целью моего путешествия. Я хотел поставить астропункт на низкой горной гряде, разделяющей две песчаные равнины Джунгарской Гоби. Если бы мы нашли там воду, то, пользуясь сверхбаллонами, можно было бы пересечь пески Джунгарской Гоби примерно до границы с Китаем и еще раз отнаблюдать. Так или иначе, нужно было торопиться. Вероятность нахождения воды в неизвестном проводнику месте была небольшой, а отклоняться от маршрута в сторону было бы небезопасно из-за неминуемого перерасхода горючего. Мы выехали, несмотря на то что над песками уже дрожала дымка знойного марева. Навстречу нам шли без конца все новые и новые волны застывшего душного моря песка. Желтый цвет песка иногда сменялся красноватым или серым; разноцветные переливы солнечной игры временами бежали по склонам песчаных бугров. Иногда на гребнях барханов колыхались какие-то сухие и жесткие травы — жалкая вспышка жизни, которая не могла победить общего впечатления умершей земли...

Мельчайший песок проникал всюду, ложась матовой пудрой на черную клеенку сиденья, на широкий верхний край переднего щитка, на записную книжку, стекло компаса. Песок хрустел на зубах, царапал воспаленное лицо, делал кожу рук шершавой, покрывал все вещи в кузове. На остановках я выходил из машины, взбирался на самые высокие барханы, пытаюсь увидеть в бинокль границу жутких песков. Ничего не было видно за палевой дымкой. Пустыня казалась бесконечной. Глядя на машину, стоящую накренившись на один бок, с распахнутыми, как крылья, дверцами, я старался победить тревогу, временами овладевавшую мною. В самом деле, как ни хороши новые баллоны, но мало ли что может случиться с машиной. А в случае серьез-

ной, неисправимой на месте поломки шансов выбраться из этой безлюдной местности у нас было мало... Не слишком ли смело я пустился в глубь песков, рискуя жизнью доверившихся мне людей? Такие мысли все чаще одолевали меня в песках Долон-Хали. Но я верил в нашу машину. Так же успокоительно действовал на меня старый Дархин. Малоподвижное «буддийское» лицо его было совершенно спокойно. Молодые же мои спутники не задумывались особенно над возможными опасностями.

Меня смущало то, что после пятичасового пути впереди по-прежнему не было заметно никаких гор. На шестьдесят седьмом километре песчаные волны стали заметно понижаться и вместе с тем начали подъем. Я понял, в чем дело, когда через каких-нибудь пять километров мы переваливали небольшой глинистый уступ и Гриша сразу же затормозил машину. Пески Долон-Хали заполняли обширную плоскую котловину, находясь на дне которой я, конечно, не мог видеть отдаленные горы. Едва же мы поднялись на край котловины и оказались на ровной, как стол, возвышенности, обильно усыпанной щебнем, горы неожиданно выступили прямо на юге, километрах в пятнадцати от нас. Блестящий щебень, покрывавший все видимое вокруг пространство, был темно-шоколадного, местами почти черного цвета. Нельзя сказать, чтобы эта голая черная равнина производила отрадное впечатление. Но для нас выход на ровную и твердую дорогу был настоящей радостью. Даже невозмутимый Дархин поглаживал пальцами редкую бородку, довольно улыбаясь. Сверхбаллоны отправились на отдых в кузов. После медленного движения через пески быстрота, с которой мы добрались до гор, казалась необычайной. Некоторое время пришлось проблуждать у подножия гор в поисках воды.

К закату солнца мы были на южной стороне, где и обнаружили родник в глубоком овражке, впадавшем в большое ущелье. Водой мы были теперь обеспечены. Не дожидаясь чая, я отправился вместе с Мишей на ближайшую вершину, чтобы успеть до темноты разыскать удобную для астрономического пункта площадку. Горы были невысоки,

их обнаженные вершины поднимались метров на триста. Горная цепь имела своеобразные очертания лунного серпа, открытого к югу, к пескам Джунгарской Гоби, а выпуклостью с более крутыми склонами обращенного на север. С южной стороны горной дуги между рогами полумесяца тянулся в виде прямой линии обрыв, ниспадавший к высоким барханам песчаного моря. Наверху было ровное плато, поросшее высокой и жесткой травой. Плато ограничивали с трех сторон конусовидные вершины с острыми зазубренными верхушками. Истерзанные ветрами горы казались угрюмыми. Страшное чувство потерянности охватывало меня, когда я вглядывался в бесконечные равнины на юге, востоке и севере. Только вдаль, на западе, туманились еще какие-то горные вершины, такие же невысокие, бесцветные и одинокие, как и те, с которых я смотрел.

Плато внутри полумесяца было идеально для наблюдений, поэтому мы перенесли на него радиостанцию и инструменты. Вскоре сюда же перебрались и шофер с проводником, притащившие постели и еду. Далеко внизу стояла наша машина, казавшаяся отсюда серым жуком. Мертвая тишина безжизненных гор, нарушаемая только едва слышным шелестом ветра, невольно нагнала на всех задумчивое настроение. Мои спутники расположились отдыхать на кошке, только Миша неторопливо соединял контакты сухих батарей. Я подошел к обрыву и долго смотрел вниз, на пустыню. Скалы с изрытой выветриванием поверхностью поднимались над слегка серебрящейся редкой полынью. Однообразная даль уходила в красноватую дымку заката, позади дико и угрюмо торчали пильчатые острые вершины. Беспредельная печаль смерти, ничего не ждущее безмолвие веяли над этим полуразрушенным островом гор, рассыпающихся в песок, вливаясь в безымянные барханы наступающей пустыни. Глядя на эту картину, я представил себе лицо Центральной Азии в виде огромной полосы древней, уставшей жить земли — жарких безводных пустынь, пересекающих поверхность материка. Здесь кончилась битва первобытных космических сил и жизни, и только недвижная материя горных пород еще вела свою молчаливую

борьбу с разрушением... Непередаваемая грусть окружающего наполнила и мою душу.

Так размышлял я, как вдруг давящая тишина отхлынула под веселыми звуками музыки. Контраст был так неожидан и силен, что окружающий меня мир как бы раскололся, и я не сразу сообразил, что радист нащупал точную настройку на одну из станций. И люди сразу оживились, заговорили, стали хлопотать о еде и чае. Миша, довольный произведенным впечатлением, долго еще держал натянутой невидимую нить, связывавшую затерянных в пустыне исследователей с живым и теплым биением далекой человеческой жизни.

Ночь, как и всегда, была ясной. Здесь, высоко на плато, стало прохладно. Дымка нагретого воздуха не мешала, как обычно, наблюдениям. Не спали только мы с Мишей. Но сейчас мое внимание унеслось в такую даль, перед которой все ландшафты земли казались мгновенной тенью, — звезды были надо мной. На них была наведена труба моего инструмента. Ярким огоньком горела звезда, пойманная в крест нитей, серебристо блестел лимб¹ в слабоосвещенном окошечке верньера². Под окулярами горизонтального и вертикального кругов медленно сменялись черточки на шкале, в то время как в наушниках радио неслись размеренные хрипловатые сигналы времени.

Я дважды уже повторял наблюдения, меняя способ, так как хотел добиться безусловно верного определения. Не скоро кто-нибудь заберется сюда повторить и проверить мои данные, и продолжительное время картографы будут опираться на этот ориентир, теперь имеющий точное место на поверхности земного шара... Наконец я выключил лампочку и отправился спать. Небольшой колышек остался до

¹ Лимб — посеребренное кольцо с нанесенными на него делениями градусов, минут и секунд.

² Верньер — дополнительная шкала делений для точных отсчетов по лимбу.

утра, обозначая точку, в которую завтра мои помощники забьют и зальют цементом железный кол с медной дощечкой. Наваленная сверху высокая пирамида камней издалика укажет астрономический пункт в этой забытой местности. Право же, это хорошая память о себе и хороший вид творческой работы на общую пользу...

В чистом и прохладном воздухе плато, под низкими звездами я хорошо выпался и поэтому проснулся рано. Рассветный ветерок тянул холодом. Все уже встали и возились с установкой железного столбика. Я потянулся и решил еще полежать, покуривая и обдумывая наш дальнейший путь. Я решил, если пески Джунгарской Гоби окажутся трудными для нашей машины, не рисковать, гоняясь за мифической линией границы среди пустынных песков. Все же, перед тем как повернуть назад, к зеленой жизни района Орокнора, я задумал немного углубиться в пески, чтобы составить представление об этой пустыне. Вдали я различил незначительную возвышенность. Туда я и хотел проехать и осмотреть в бинокль пустыню дальше к югу и к китайской границе.

Тихо ступая, ко мне приблизился Дархин. Увидев, что я не сплю, он сел около меня и спросил:

— Как решил: едем Джунгарскую Гоби сквозь?

— Нет, решил не ехать, — ответил я. (Лицо старика дрогнуло, узкие глаза радостно блеснули.) — Только немножко поедем вон туда. — Я приподнялся на локте и указал рукой по направлению далекого холма. За этим темным конусом тянулась цепь еще более высоких.

— Зачем? — удивился монгол. — Лучше плохое место совсем не ехать, обратно хорошо поедем...

Я поспешил подняться с кошмы и тем самым оборвал воркотню старого проводника. Солнце еще не нагрело песка, как мы уже въезжали на сверхбаллонах прямо в глубь пустыни, держа направление на группу холмов. Шофер напевал веселую песенку, заглушаемую воем машины. Качка по обыкновению начала действовать на меня, убаюкивая и клоня ко сну. Но даже сквозь дрему я заметил необычайный оттенок песков Джунгарской Гоби. Яркий свет уже

сильно припекавшего солнца окрашивал склоны барханов в фиолетовый цвет. Тени в этот час исчезали, и разная освещенность песков отражалась лишь в большей или меньшей примеси красного тона. Этот странный цвет еще больше подчеркивал мертвенность пустыни.

Должно быть, я незаметно заснул на несколько минут, потому что очнулся от молчания мотора. Машина стояла на бархане, опустив передок в оседавший рыхлый скат, по которому еще катились вниз потревоженные песчинки.

Я поднял крючок, толкнул дверцу кабины, вышел на подножку и оглянулся кругом.

Впереди и по сторонам высились гигантские барханы невиданных размеров. Неверная игра солнца и воздушных потоков заставила меня принять их за отдаленные горы. Я и теперь не понимал, как я мог ошибиться. Всего за несколько минут до этого я готов был клясться, что совершенно ясно видел группу холмов. Утопая в песке, я взобрался на один из больших барханов и стал разглядывать песчаное море на юге. Монгол присоединился ко мне. Лукавые искорки мелькали в его темных глазах. Было ясно, что дальнейшее продвижение к югу не имело смысла, — никаких холмов или гор не было заметно вдаль. Дархин уверял, что монголы говорили ему о песках, тянувшихся до самой границы. Можно было поворачивать назад. Спутники мои заметно обрадовались такому распоряжению. Безмолвные пески действовали на всех угнетающе. Гулкая песня мотора снова восторжествовала над песчаным покоем. Машина накренилась и, сползая со склона, повернула свои фары обратно на север.

Я сложил и спрятал записную книжку, прикрыл компас и приготовился продолжать прерванную дрему.

— Ну, Михаил Ильич, хорошенько поднажать — и до Орокнора доберемся или уж до горящих скал наверно, — блестя своими ровными зубами, сказал Гриша.

Звонкий грохот над головой заставил нас вздрогнуть. Это радист стучал в крышку кабины. Наклонившись к окну, он старался перекричать шум мотора. Правой рукой он показывал направо.

— Что еще там у них? — с досадой сказал шофер, придерживая машину, но вдруг резко затормозил и крикнул мне: — Смотрите скорее! Что такое?..

Окошко кабины на минуту заслонил спрыгнувший сверху радист. С ружьем в правой руке он бросился к склону большого бархана. В просвете между двумя буграми был виден низкий и плоский бархан. По его поверхности двигалось что-то живое. Хотя это двигавшееся существо и было очень близко к нам, но мне и шоферу не удалось сразу разглядеть его. Оно двигалось какими-то судорожными толчками, то сгибаясь почти пополам, то быстро выпрямляясь. Иногда толчки прекращались, и животное попросту катилось по песчаному склону. Следом оползал и песок, но оно как-то выбиралось из осыпи.

— Что за чудо? Колбаса какая-то, — прошептал у меня над ухом шофер, словно боясь спугнуть неведомое существо.

Действительно, у животного не было заметно ни ног, ни даже рта или глаз; правда, последние могли быть незаметны на расстоянии. Больше всего животное походило на обрубок толстой колбасы около метра длины. Оба конца были тупые, и разобрать, где голова, где хвост, было невозможно. Большой и толстый червяк, неизвестный житель пустыни, извивался на фиолетовом песке. Было что-то отвратительное и в то же время беспомощное в его неловких, замедленных движениях. Не будучи знатоком зоологии, я все же сразу сообразил, что перед нами совсем неизвестное животное. В своих путешествиях я часто сталкивался с самыми различными представителями животного мира Монголии, но никогда не слыхал ни о чем похожем на этого громадного червяка.

— Ну и пакостная штука! — воскликнул Гриша. — Бегу ловить, только перчатки надену, а то противно! — И он высочил из кабины, схватив с сиденья свои кожаные перчатки. — Стой, стой! — крикнул он радисту, прицелившемуся с верхнего бархана. — Живьем бери! Видишь, ползет еле-еле!

— Ладно. А вот и его товарищ, — отозвался Миша и осторожно положил ружье на гребень бархана.

В самом деле, по песчаному склону скатывалась вниз вторая такая же колбаса, пожалуй побольше размером. В эту минуту сверху из кузова раздался пронзительный вопль Дархина. Старик, очевидно, крепко спал, и его только сейчас разбудили беготня и крики. Монгол громко кричал что-то неразборчивое, что-то похожее на «оой-оой». Шофер уже взбежал на бархан и вместе с радистом кинулся вниз. Юноши бежали быстро. Все, что произошло дальше, было делом одной минуты. Я торопливо выскочил из кабины, намереваясь принять участие в ловле необыкновенных существ. Но едва я отошел от машины, как монгол кубарем скатился на песок из кузова и вцепился в меня руками. Обычно спокойное лицо его исказил дикий страх.

— Обратно ребят зови!.. Скорее! Там смерть! — сказал он, задыхаясь, и опять завопил фальцетом: — Оой-оой!..

Крепкие пальцы Дархина едва не оторвали мне рукав.

Скорее удивленный, чем испуганный непонятным поведением старика, я крикнул шоферу и Мише, чтобы они шли назад. Но те продолжали бежать к неизвестным животным и либо не слышали меня, либо не хотели слышать.

Я сделал было шаг к ним, но Дархин потянул меня назад. Вырываясь из цепких рук проводника, я в то же время следил за животными. Мои помощники уже подбежали к ним: радист впереди, Гриша чуть сзади. Внезапно червяки свились каждый в кольцо. В тот же момент окраска их из желто-серой, сразу потемнев, стала фиолетово-синей, а на концах ярко-голубой. Без крика, совершенно неожиданно радист рухнул ничком на песок и остался недвижим. Я услышал восклицание шофера, который в это время подбежал к радисту, лежавшему в каких-нибудь четырех метрах от червяков. Секунда — и Гриша так же странно изогнулся и упал на бок. Его тело перевернулось, скатываясь к подошве бархана, и скрылось из глаз. Я вырвался из рук проводника и бросился вперед. Но Дархин с быстротой юноши ухватил меня, как клещами, за ноги, и мы вместе покатились по мягкому песку. Я боролся с монголом, стараясь

вырваться от него. Вне себя выхватил я револьвер и направил его на монгола. Щелкнул спущенный предохранитель, и только тогда проводник отпустил меня. Встав на колени, старик протягивал ко мне руки. Хриплое дыхание вместе с криком: «Смерть! Смерть!» — вырывалось из его груди. Я взбежал на бархан, продолжая сжимать в руке револьвер. Таинственные червяки куда-то исчезли. Неподвижные тела товарищей лежали на песке, изборожденном следами омерзительных животных. Монгол бежал вслед за мной и, как только увидел, что червяков нет, бросился, как и я, к нашим спутникам. Страшное горе сжало мне сердце, когда я, склонившись над неподвижными телами, не смог уловить в них ни малейших признаков жизни. Радист лежал с запрокинутой головой. Глаза его были полуоткрыты, лицо спокойно. У Гриши, наоборот, лицо было искажено гримасой внезапной и ужасной боли. У обоих лица были синие, будто от удушья.

Все наши усилия — растирание, искусственное дыхание, даже сделанная Дархином попытка пустить кровь — были безуспешны. Смерть товарищей была очевидной. Она оглушила нас. Все мы за долгое время, проведенное вместе, сдружились и сроднились. Для меня смерть молодых людей была тяжелой потерей. Кроме того, меня мучило сознание своей вины в том, что я не остановил безрассудной погони за неведомыми гадами. Растерянный, почти без мыслей, я молча стоял, оглядываясь по сторонам, в тщетной надежде увидеть снова проклятых червяков и выпустить в них обойму. Старый проводник, опустившись на песок, тихо всхлипывал, и я только потом подумал, как должен быть благодарен старику, спасшему меня от смерти...

Мы перенесли оба тела и положили в кузов машины, не в силах бросить их в страшных фиолетовых песках. Может быть, где-то внутри нас чуть теплилась надежда, что это еще не смерть и наши товарищи, оглушенные неведомой силой, вдруг очнутся. Ни одним словом не обменялись мы с проводником. Глаза монгола тревожно следили за мной до тех пор, пока я не забрался на место Гриши и не запустил мотор. Включая передачу, я бросил последний взгляд

на это ничем не отличавшееся от всей пустыни место, где потерял половину своего отряда. Как легко и весело было мне час назад и каким одиноким чувствовал я себя теперь!.. Машина тронулась. Унылое завывание шестерен первой скорости казалось мне невыносимым. Дархин, сидя в кабине, смотрел, как я обращаюсь с машиной, и, уверившись в моем умении, немного приободрился.

В тот день мы доехали только до ночной стоянки и там похоронили своих товарищей вблизи астропункта, под высокой насыпью из камней. Разложение уже тронуло их тела и убило последнюю надежду на «воскрешение».

Я и теперь не могу спокойно вспомнить молчаливую ночь в мрачных горах. Едва дождавшись рассвета, я погнал машину по черному галечнику как мог быстрее. Чем дальше мы удалялись от страшной Джунгарской Гоби, тем спокойнее чувствовал я себя. Пересечение песков Долон-Хали-Гоби — тяжелая работа для неопытного водителя — заняло все мое внимание, несколько отогнав горестные мысли о гибели товарищей.

На отдыхе у огненных утесов я тепло поблагодарил монгола. Дархин был тронут. Он улыбнулся и сказал:

— Я кричал «смерть» — ты все равно бежал. Тогда я хватал тебя: начальник погибай — все погибай. А ты чуть не стрелял меня!..

— Я бежал спасти Гришу и Мишу, — сказал я, — о себе не думал.

Все объяснение этого происшествия, какое я мог получить у проводника да и у всех прочих знатоков Монголии, заключалось в том, что, по очень древним поверьям монголов, в самых безлюдных и безжизненных пустынях обитает животное, называемое «Олгой-Хорхой». Это название в торопливых выкриках Дархина и показалось мне повторением «оой-оой». Олгой-Хорхой не попадал в руки ни одному из исследователей отчасти потому, что он живет в безводных песках, отчасти из-за того страха, который питают к нему монголы. Этот страх, как я сам убедился, вполне обоснован: животное убивает на расстоянии и мгновенно. Что это за таинственная сила, которой обладает Олгой-Хор-

хой, я не берусь судить. Может быть, это огромной мощности электрический разряд или яд, разбрызгиваемый животным, — я не знаю...

Наука еще скажет свое слово об этом страшном животном, после того как более удачливым, чем я, исследователям посчастливится его встретить.

1942-1943

От автора

Это таинственное животное описано мною в рассказе, но на самом деле еще неизвестно науке — рассказ ведь фантастический.

Во время своих путешествий по Монгольской пустыне Гоби я встречал много людей, рассказывавших мне о страшном червяке, обитающем в самых недоступных, безводных и песчаных, уголках гобийской пустыни. Это легенда, но она настолько распространена среди гобийцев, что в самых различных районах загадочный червяк описывается везде одинаково и с большими подробностями; следует думать, что в основе легенды есть правда. По-видимому, в самом деле в пустыне Гоби живет еще неизвестное науке странное существо, возможно — пережиток древнего, вымершего населения Земли.

Таков ли Олгой-Хорхой на самом деле, каким он описан в моем рассказе, разумеется, нельзя ручаться.

Только будущие исследователи, которым удастся наконец увидеть это животное, смогут дать вам ответ на этот вопрос.

Точно также нельзя ответить на вопрос, каким образом убивает Олгой-Хорхой на расстоянии. Все араты — гобийские кочевники-скотоводы — уверены в ужасных свойствах этого червяка, но поскольку его не видел и тем более

не исследовал ни один ученый, ничего нельзя сказать о природе убийственной силы, которой обладает Олгой-Хорхой.

Я помню одного старика гобийца, опытного вожака караванов, много раз ходившего поперек всей Великой Гоби из Китая в Россию в те времена, когда верблюжьи караваны были основным транспортом для чая. Каждый рейс такого каравана туда-обратно занимал около двух лет. При такой медленности передвижения, сейчас кажущейся для нас почти смешной, можно было во всех подробностях изучить гобийскую пустыню на всем ее протяжении.

И действительно, товарищ Цевен был знатоком всего, что так или иначе касалось Гоби, начиная от колодцев, трав и животных и кончая всеми путеводными звездами просторного неба Монголии.

Цевен много рассказывал нам об Олгой-Хорхое и о недоступном урочище Халдзан Дзахе в Южной Гоби, где обитает этот червяк. Рассказывал, что его можно видеть лишь в самые жаркие месяцы лета. В остальное время червяки спят в норах, которые они проделывают в песке.

Живой и впечатлительный, как все монголы, Цевен изобразил наглядными жестами, как Олгой-Хорхой ползает и как убивает приближающихся к нему, подпрыгивая и сворачиваясь в кольцо.

Мы все — нас было несколько человек, научные работники моей экспедиции, — невольно рассмеялись, глядя на забавные движения старика. Цевен внезапно рассердился и, посмотрев на нас с явным неодобрением, пробормотал нашему молодому переводчику-монголу:

— Скажи им, что они глупцы, разве можно смеяться — это страшная вещь!

Вот, собрав все эти сведения о таинственном червяке, я и написал рассказ «Олгой-Хорхой», где все события вымышлены, но червяк описан именно так, как мне про него рассказывали вполне заслуживающие доверия жители гобийских районов Монгольской Народной Республики. Это все, что я могу рассказать об Олгой-Хорхое.

И кто знает — может быть, именно тем, кто в будущем станет исследователями, путешественниками и учеными, выпадет на долю найти и добыть для науки это неизвестное животное.

Иван Ефремов

Из книги
«Дорога ветров»

(1958)

— Пока он не ушел, надо спросить его про олгой-хорхой! — воскликнул Эглон.

Ян Мартынович подразумевал странное животное монгольских легенд. Среди жителей Гоби издавна распространено предание о большом и толстом черве (олгой — толстая кишка, хорхой — червяк), свыше полуметра длиной, живущем в недоступных песчаных местах Гобийской пустыни. Рассказы об этом животном совпадают. Олгой-хорхой известен как очень страшное существо, обладающее непонятной убийственной силой, способной поразить насмерть прикоснувшегося к нему человека.

Никто из ученых-исследователей не видел необычного червя, но легенда о нем так распространена и так единообразна, что, нужно думать, в ее основе действительно есть какое-то чрезвычайно редкое, вымирающее животное, вероятно, пережиток древних времен, уцелевший теперь в самых пустынных уголках Центральной Азии. Я использовал легенду об олгой-хорхое в одном из своих фантастических рассказов. Про олгой-хорхой слышал и начальник американской экспедиции Эндрьюс.

Данзан заговорил с Цевеном несколько смущенно, как будто опасаясь насмешек со стороны остроумного старика за наивный вопрос о легендарном животном. К общему удивлению, Цевен объявил, что много слышал об этом гигантском червяке, убивающем наповал, но не видал его. В четырех уртонах на юго-восток от аймака есть местность Халдзан-дзахе («Лысый край»), где на барханных песках живет олгой-хорхой. Но его можно видеть только в самую жару, в июне-июле, позднее он зарывается в землю и спит.

Посыпались шутки об этих непонятных свойствах хорхой. Цевен рассердился и, сурово нахмурившись, сказал несколько слов Данзану.

— Он говорит, — перевел молодой геолог, — они смеются только потому, что ничего не знают и не понимают. Олгой-хорхой — это страшная вещь!..

Аркадий и Борис Стругацкие

Из повести
«Страна багровых туч»

(1959)

За стеной посвистывал раскаленный ветер, темный песок намело вокруг «Мальчика». Чужая черная ночь обступила со всех сторон маленький уютный уголок жизни и света.

— Хороший роль-мопс, — сказал Юрковский, сосредоточенно наматывая на вилку аппетитную рыбью тушку. — Очень люблю роль-мопс...

Иоганыч покачал головой и, обратившись к Ермакову, сказал:

— Между прочим, с роль-мопсом у меня произошла любопытнейшая история. Вернее, не с роль-мопсом, а... Представьте, Гоби, пустыня, несколько палаток — геологическая экспедиция. На триста километров ни одного жилья, дичь, прелесть. И была у нас, молодых практикантов, бутылочка коньяку и заветная баночка роль-мопса. Ждали мы какого-либо высокотожественного события, чтобы, значит... — Дауге выразительно щелкнул пальцами. — Ну-с, дождались. Вот как теперь, день рождения одной... одного товарища. Собрались мы у нашей палатки, все практиканты, шесть человек. Откупили коньяк, нарезали хлеб, помыли руки. Положили все это на футляр для теодолита, и, как сейчас помню, я принялся под жадными взорами ребят вскрывать вожаденный роль-мопс. Понимаете, все баранина, ветчина... Остренького хотелось — сил нет! И вот, едва я вскрыл...

Дауге сделал паузу. Быков нетерпеливо покашлял и сказал:

— Вскрыл — и что?

— Понимаете, я даже не помню, как это случилось. Я случайно взглянул поверх голов товарищей — они все, конечно, наклонились к банке — и вижу: по склону соседнего бархана ползет, извиваясь, преогромный сизый червяк... Настоящий удав, боа-констриктор... Весь в этаких кольцах...

— Врешь! — убежденно сказал Юрковский.

— Погодите, Владимир Сергеевич! — сердито остановил его Быков. — Дайте рассказать.

— Не вру, Володя. Это был олгой-хорхой.

— Олгой... кто? — спросил Быков.

— Олгой-хорхой, — повторил Дауге. — Кажется, единственное сухопутное животное на Земле, вооруженное электричеством.

Юрковский сдвинул брови, вспоминая.

— Олгой-хорхой... Кажется, впервые описан в одном из гобийских рассказов Ивана Ефремова полвека назад. Так?

— Так, — согласился Дауге. — Потом выяснилось, что за эти полвека мы были не то третьей, не то четвертой экспедицией, которая видела его.

— И что же случилось? — не утерпел Быков.

Дауге вздохнул:

— Ничего особенного, конечно. Я заорал и вскочил на ноги. Роль-мопс вывалился в песок. Мы побежали в палатку за ружьями, а когда вернулись... — Он развел руками. — Никаких шансов. Электрический червяк скрылся.

— Досталось тебе, наверное, от ребят, — сказал Юрковский и снова потянулся к роль-мопсу.

— Ну нет! До самого конца экспедиции только и было разговоров, что об олгой-хорхое.

— Я вот ничего подобного не видел в пустыне, — заметил Быков.

Дауге объяснил, что олгой-хорхой водится, вероятно, только в самых жарких и пустынных областях монгольской Гоби.

Спартак Ахметов, Александр Янтер

СИНЯЯ СМЕРТЬ

Рисунки Г. Валетова

(1979)

Цэвэн поежился на кошме, в полусне поплотнее закутался в дэли, но не согрелся и проснулся. Узкое жесткое седло под головой стало каменно-твердым, шея затекла и ныла. Надо бы встать, разжечь костер и вскипятить чай, но предутренняя лень опутала его. Арат надвинул на лоб меховую шапку и лег поудобнее.

Низкое темно-фиолетовое небо со сверкающим звездным узором раскинулось над ним. Каждая звезда испускала холодный лучик, и Цэвэну казалось, что звезды мечут тонкие ледяные стрелы, которые пронизывают его старое тело. Он запрокинул голову, чтобы увидеть любимую аратами Алтан-Гадаз-Од. Полярная звезда сияла теплым дрожащим огоньком и честно указывала направление на север — заднюю сторону мира. Если сесть спиной к Алтан-Гадаз-Од, перед тобой окажется передняя сторона — юг, где косо поднимается темный массив хребта Хурх-Ула, заслоняя край звездного неба. К западу — в сторону барун — хребет резко понижался, открывая путь к колодцу Сайн-Худук в песках Бордзон-Гоби. Всю левую сторону — дзун — заполняли горы Хачиг-Ула с едва различимой в холодном звездном свете вершиной Ямат-Ула. Цэвэн знал, что склоны хребтов изрезаны многочисленными сухими руслами, в которых нынешним летом частенько журчит вода.

Арат совсем замерз.

— Позже выросшие рога длиннее прежде выросших ушей! — выругался он и встал.

Ему следовало заночевать в Номгоне, но он беспокоился о стаде и к вечеру одолел еще полуртона. Проехал бы и больше, но впереди вздымались барханные пески Халдзан-Дзахэ, о которых шла дурная молва. И зачем беспокоился? Сын — настоящий арат: и верблюдов убережет, и хорошие пастбища сумеет найти. Да и лето влажное: парнолистники, солянки, ковыльки растут повсюду. Правда, хабтагалы обнаглели и часто нападают на стада, чтобы отбить верб-

людиц. Глаз да глаз нужен... Жалко, что дочь не хочет пасти скот и работает на швейной фабрике в аймачном центре Далан-Дзадагаде. От нее-то и возвращается Цэвэн к своим верблюдам.

Из заранее заготовленных веток саксаула путник разжег костер, вскипятил чай, посолил его, заправил толчеными семенами пульхира и бараньим жиром. Наевшись вкусной горячей болтушки, Цэвэн не спеша набил трубку пылевидной дунзой, прикурил от уголька и с наслаждением затянулся. Трубка грела ладонь, нефритовый мундштук удобно зажимался зубами, сладкий дым наполнял рот, от желудка растекалась сытая теплота. Арат совсем согрелся и насмешливо сощурился на звезды, которые казались уже не такими холодными и быстро тускнели в разгорающемся свете утра. Худое скуластое лицо Цэвэна с резко очерченным носом гобийца и жидкой бородкой разгладилось.

Всхрапнул и медленно подошел к огню конь. Это был настоящий хуху-морь, гордость хозяина. Арат похлопал по морде потянувшуюся к нему лошадь, поднялся и выбил о ладонь погасшую трубку. Потом засыпал подернутые пеплом угольки костра песком, оседлал коня узким седлом с высокой лукой и с серебряными бляхами, поправил короткие стремяна и красные кисточки на узде.

Утро было удивительно ясным и прозрачным. Над чеканным рельефом хребта Хачиг-Ула жаркими золотыми слитками висели облака. На склонах зеленели обширные пятна свежей травы. А серая межгорная равнина поросла синими ирисами, узколистым саксаулом и эфедрой, кустики которой свивались и закручивались, словно зеленые червячки. Едва заметный ветерок доносил сильный запах, подобный запаху аптеки в аймаке, куда Цэвэн заходил за очками.

Прежде чем сесть на коня, арат подошел к вырытой в песке ямке и достал опрокинутую фарфоровую чашку. Дно чашки отпотело — верная примета, что и здесь есть вода. А значит, есть корм и верблюды нагуляют к осени крутые жирные горбы. Цэвэн удовлетворенно хмыкнул, легко вскочил

на отдохнувшего хуху-моря и потрусил к недалеким барханам Халдзан-Дзахэ.

2

Биолог Иван Михайлович Волков, начальник комплексной советско-монгольской экспедиции, вернулся на базу голодный, усталый и злой. День выдался пыльный, mirажистый. Щебенчатая дорога, которую высокое гобийское солнце выкрасило в синий цвет, вымотала душу; потоки горячего воздуха наполняли тяжелым зноем «газик»; от мутного марева, искажавшего рельеф, слезились глаза. Иван Михайлович с трудом вытащил из машины свое огромное тело и хлопнул дверцей. С брезентового верха заструилась пыль, та же пыль обильно въелась в кожу, скрипела на зубках. Но жаловаться не приходится, такова работа. Ну ладно, надо умыться и пообедать, чтобы поднять настроение. А потом уже мозговать, как дальше обходиться без повара.

— Ты, Сайхан, отдохни в палатке, — сказал он шоферу, коренастому монголу лет пятидесяти с припухшими и серыми от пыли веками. — А я распорядюсь насчет обеда.

— Хорошо, дарга, — согласился Сайхан.

База экспедиции находилась на самом краю песков Бордзон-Гоби у колодца Сайн-Худук. Пять двухместных палаток и одна большая для камеральных работ — вот и весь лагерь. В составе экспедиции — биолог, врач Анна Семеновна, геолог и географ, физик и метеоролог, два шофера. Четыре монгола, трое русских и один татарин — национальный состав. Сейчас все они упражняются в стрельбе, вместо того чтобы встречать начальство хлебом и солью.

— Так, — страшным голосом сказал Волков, подойдя к стрелкам. — Значит, патроны переводим...

Никто, конечно, не испугался. Только метеоролог Мэргэн Санжадорж, тщательно прицеливающийся в темную бутылку, выставленную на макушке обо, вздрогнул и дернул спусковой крючок. Все нестройно закричали:

— А еще мэргэном зовется!
— Мазила!
— Он не может стрелять по священному обо!
— Он попадет, если воткнет дуло в горлышко!
— Кричат под руку! — оглянулся на Волкова красный от злости Мэргэн.

Винтовку в разные стороны тянули физик Лодой Дамба и Коля Громов с черными от постоянного общения с мотором руками.

— А ну, кончайте! — ухватился за приклад Волков. — Обедать пора.

— Иван Михалыч! — взмолился шофер. — Дайте бутылку сбить. Сколько палим, а она стоит, как заговоренная.

— Воздух горячий дрожит, — продолжал оправдываться метеоролог. — Бутылка дрожит.

— Кому сказал? Прекратить! — еще строже произнес Волков, отбирая винтовку.

Все притихли. Только Коля Громов ехидно прошептал:

— Конечно, кто не умеет стрелять...

— Ах, вот как! — Иван Михайлович резко повернулся к пирамидальному обо и вскинул винтовку. Сверкающие осколки бутылки разлетелись в разные стороны. Все на миг остолбенели, а потом восторженно закричали.

— Теперь, надеюсь, обедать?

— Конечно, — блеснула черными глазами Анна Семеновна Демьянова, беря биолога под руку. — Чудесные макароны по-флотски ждут вас.

— Э-э-э! — разочарованно протянул Иван Михайлович. — А я подумал, что такой выстрел тянет на гурильтэ-хол.

— Этим блюдом нас угостит повар, которого вы привезли. Кстати, где он?

Волков отдал винтовку Мэргэну и мрачно проворчал:

— Боюсь, нам так и не придется отведать монгольской кухни. Повара нет.

— Как нет? — возмутился Сейфуллин.

— Опять самим стряпать, — пригорюнилась Демьянова.

— Плохая еда — плохие ноги, — философски изрек географ Максаржаб. — Плохие ноги — плохая работа.

— Как это во всем аймаке не нашлось одного-единственного повара? — продолжал возмущаться геолог. — Смешно, ей-богу!

— Повара, конечно, есть, но желающих поехать в пустыню не нашлось. Присмотрел я одного темпераментного товарища, совсем было уговорил, уже муку вместе покупали. Он все расспрашивал: сколько человек кормить, что мы делаем в пустыне, шибко ли мы ученые люди. «Шибко, — успокаиваю я, — шибко». Тут мой повар ни с того ни с сего отказался ехать. «Что случилось? — спрашиваю. — Мы же договорились!» «Не могу, — отвечает, — начальник, не уговаривай...» — «Но почему?» — «Твои люди простые кушанья не привыкли есть. Постоянно меня ругать будут, что я плохой повар, что дурная еда, шибко соленая. Моя душа не стерпит, схвачу нож и наброшусь на твоих людей».

Посмеялись и пошли обедать.

— А Равиль Саидович медведя видел, — сообщила Демьянова, накладывая на тарелки макароны.

— Какого медведя? — удивился Иван Михайлович. — Здесь медведи не водятся!

Все посмотрели на Сейфуллина. Тот аккуратно отделил фарш от макарон, набрал его на вилку, осмотрел недовольно и отправил в рот. Потом показал в окно палатки:

— Под горой колотил образцы на интересном обнажении. Спугнул какого-то зверя с бурой шерстью. Похож на медведя.

Волков задумался.

— Мурзаев считает, что гобийский медведь встречается только в Заалтайской Гоби и то крайне редко. Как зверь может забрести сюда?

— Я от стариков слыхал, — заметил Максаржаб, — что волосатый аламас живет в горах, где много растительности.

— Сейчас ее везде много, — возразил Мэргэн. — Весна дождливая, уровень грунтовых вод поднялся.

— Вечером иду на охоту, — решил Иван Михайлович.
— Кто со мной?

Выяснилось, что идти никто не может. Геолог и географ устали, у Мэргэна куча необработанного материала, Коля хотел покопаться в моторе, у Лодоя Дамбы забарахлил фотоэлектронный умножитель.

— Я бы пошла, — заколебалась Демьянова, — да у меня стирка намечена...

— Завтра постираете! Все разбегутся по маршрутам, никто не будет мешать. А то мне одному скучно...

— Ладно, — согласилась Анна Семеновна. — На охоту так на охоту.

— Молодец, Анечка! — обрадовался Волков. — Мы с вами усypим и обмерим редчайший экземпляр гобийского медведя, а вся эта компания лопнет от зависти.

3

Коротконогая лошадка, увязая по бабки в песке, резво пробиралась между барханами. Со склонов она почти съезжала, подогнув задние ноги и едва перебирая передними. Цэвэн то наклонялся к шее коня и ложился грудью на высокую луку, то откидывался, упираясь гутулами — высокими кожаными сапогами — в стремяна. Все это не мешало зорко посматривать по сторонам: все-таки он ехал через опасные пески Халдзан-Дзахэ. Хорошо, что очки купил, будто вернул молодые глаза.

Солнце клонилось к вечеру, небо потеряло голубизну и стало мутно-серым. Зато склоны барханов окрасились в фиолетовый цвет с той или иной примесью красноты. Непривычному глазу такая окраска показалась бы мертвенной, но Цэвэну, как и любому гобийцу, нравилось сочетание красного и синего. Красными были кисти на праздничной узде (пусть все знают, что он возвращается от дочери!), синим было его дэли с высоким стоячим воротником. И в песнях поется о голубом Керулене и вечно синем небе.

И светло-серая лошадка его под гобийским солнцем тоже стала синей. Потому и называется она хуху-морь — «голубой конь». Лошади других мастей недолго держатся в удущающей жаре.

Гиблое место кончалось, до ближайшего аила осталось совсем немного. Цэвэн приободрился, привстал на стремянах и оглянулся на пройденный путь. Сердце на миг замерло: слева над гребнем бархана почудились синие тени. Неужели?.. Но нет, это были дзерены. Цэвэн недаром в молодости слыл мэргэном — метким стрелком. Ружье само выскочило из-за спины, приклад уперся в плечо, глухо громыхнул выстрел. Охотник не успел как следует разглядеть гибкие стройные фигурки животных и острые, дважды изогнутые рожки, как все уже кончилось. Стадо унеслось по направлению к хребту Хачиг-Ула, добыча осталась на месте.

Арат неспешно слез с лошади и пошел степенной, важной походкой, огибая бархан с наветренной стороны. Спасибо умному человеку, придумавшему очки, спасибо славному мастеру, выточившему стекла. На старости лет Цэвэн снова стал мэргэном и принесет в юрту свежее мясо и крепкую шкуру. Где тут мой дзерен, убитый одним выстрелом?

Лошадь спокойно смотрела вслед хозяину и поматывала головой. Вдруг она вздрогнула и запрядала ушами. Цэвэн скатился с крутого подветренного склона, вскочил и, увязая в песке и теряя гутулы, тяжело побежал к коню. Тот шарахнулся, но арат уже ухватился трясущимися руками за луку, запрыгал на одной ноге, не попадая другой в стремя, наконец, попал; едва не вывернул седло, усаживаясь, и что есть мочи ударил пятками в потные бока лошади. Та рванулась, и тут дико и бессмысленно в круп врезалась плеть. Хуху-морь почти по-человечески вскрикнул, вытянул шею, как гусь, и, ничего не видя перед собой, полетел над раскаленными песками.

Цэвэн задыхался. Горячий пот струйками сбегал из-под островерхой шапки, и он сбросил ее с головы. Где-то потерялись очки, ружье, гутулы. Высокий ворот дэли резал шею, но он не чувствовал боли. Вязкий ужас наполнил тело, сдавил голову, путал мысли. Перед глазами мелькали неясные образы. То он видел черные блестящие глаза дочери, то новорожденного верблюжонка, покачивающегося на тонких ножках, то родную юрту и пиалу с молоком в руках у жены. «Дочка, дочка!.. Смерть, смерть!.. — колотили копыта о щебенку. — Смерть, смерть!.. Люди, люди!..» Он едва удержался в седле, когда конь круто свернул вправо, к открывшемуся вдруг айлу.

Лошадь резко остановилась у распахнутого полога юрты перед двумя изумленными аратами. По инерции Цэвэн упал на шею коня, потом сполз на землю, цепляясь скрюченными пальцами за гриву, и упал ничком. Он собрал последние силы, повернул искаженное ужасом лицо к аратам и закричал во всю мочь. Ему казалось, что его вопль наполнил вселенную, но на самом деле он едва слышно прохрипел:

— Люди!.. Я видел олгой-хорхоя!..

4

— Иван Михайлович, а олгой-хорхой существует на самом деле?

Волков удивленно вскинул на маленькую Анну Семеновну голубые глаза:

— Почему вы спросили?

— Да вот прочитала рассказ Ефремова. Там сказано, что в безводных песках Джунгарской Гоби живет огромный червяк, убивающий на расстоянии.

— Понравился рассказ?

— Еще бы! Так правдиво написано — будто про нас.

— Видите ли, Анечка, с одной стороны, Ефремов был крупным ученым и изъездил Монголию вдоль и поперек. Но с другой стороны, он все-таки писатель-фантаст.

— Так, значит, это все выдумка?

— Не жалейте, Анечка, не жалейте. А то еще повстречаемся с олгой-хорхоем, и он сорвет работу экспедиции. И так программу не выполняем.

— Выполним, — уверенно сказала Демьянова. — У вас всегда все получается.

— Вашими устами да мед пить. Вот гобийского медведя изловить бы, — мечтательно пробасил Волков. — Сколько вопросов сразу решится...

— Так в чем же дело? — поднялась Анна Семеновна. — Идемте!

Вид у нее был настолько решительный, что можно было не сомневаться — она голыми руками поймает не только медведя, но и мифического олгой-хорхоя.

Иван Михайлович рассмеялся:

— Сейчас пойдем. Куда-то ящик с летающими шприцами задевался... А, он у Лодоя Дамбы!

Физик сидел в своей палатке и мрачно рассматривал фотоэлектронный умножитель. Черные волосы его растрепались, ковбойка взмокла от пота.

— Не работает прибор? — сочувственно спросил Волков.

— Работать-то работает, но показывает год рождения Чингисхана.

— Как это?

— А вот так... Хотел проверить фон, направил приемное окно на барханы и зарегистрировал мощное излучение с длиной волны около 260 нанометров.

— Ого! А какова продолжительность?

— Два коротких импульса.

— Действительно, прибор барахлит. С электроникой это случается.

— Я тоже так думаю, но надо проверить...

— Проверяйте и не забывайте о сроках, — Иван Михайлович помолчал. — Лодой, я вам, кажется, летающие шприцы отдавал на хранение...

— Вот они, под мешком. Все-таки на медведя идете?

— Попытка не пытка...

— Тогда ни пуха ни пера!

Волков и Анна Семеновна, помня о вечерней прохладе, облачились в ватные телогрейки и бодро зашагали в сторону отметки 1865 метров, где Сейфуллин якобы видел медведя. Сначала каждый шаг по сыпучему песку давался с трудом, но потом, когда они сбежали в сухое русло, стало полегче. Солнце опустилось низко, от вершины горы падала густая фиолетовая тень. Освещенные же места казались тускло-красными.

— Красиво как! — воскликнула Демьянова, принаравливаясь к широкому шагу Волкова.

— Очень, — согласился тот.

— Иван Михайлович, мне олгой-хорхой покоя не дает. Может он существовать или нет?

— Все может быть. Наука, как утверждает старая картежная формула, умеет много гитик.

— А если серьезно?

— А если серьезно, то никакими фактами о существовании червяка-убийцы ученые не располагают.

— Но ведь Ефремов пишет...

— Ни в одной научной публикации Ефремов об олгой-хорхое не говорит. А вот в популярной книге «Дорога ветров» со слов аратов указывает место его обитания — четыре уртона к юго-западу от Далан-Дзадагада.

— Так это же совсем рядом с нами!

— Вот-вот. Однако окрестные араты о страшном червяке нам не сообщали. Я думаю, что если олгой-хорхой как вид и существовал когда-то, то давно вымер, а легенда о нем пришла из глубины веков... Однако давайте помолчим, мы уже там, где Сейфуллин видел медведя...

Похолодало. Демьянова застегнула на все пуговицы телогрейку и последовала за Иваном Михайловичем, огромная фигура которого выделялась черным силуэтом на фоне темно-синего неба с первыми звездочками. Волков ступал осторожно, немного пригнувшись и выставив ружье вперед. Так шли они около часа, изредка останавливаясь и прислушиваясь. Вечерняя прогулка захватила Анну Семеновну, с замиранием сердца всматривалась она в темноту. В каждом валуне мерещился громадный медведь, готовый к нападению. Вдруг тишину прорезал пронзительный вскрик. Иван Михайлович вздрогнул. Демьянова от неожиданности присела. Волков наклонился к ней и еле слышно шептал:

— Тиш-ш-ше... Это сова... сова...

Анна Семеновна секунду смотрела на его близкое лицо с расширенными глазами, на палец, прижатый к губам, на нелепую позу — одна нога поднята, рука с ружьем отставлена далеко в сторону — и весело расхохоталась.

— Тише!.. — умоляюще шептал Волков. — Прошу вас, тише!

Но Демьянова уже не могла остановиться.

— Ой, Иван Михалыч, — давилась она от смеха. — Ой, не могу!.. Как вы крались... и ружье наперевес... А тут сова!.. Ой, простите, ради бога!

Волков опустил ружье, посмотрел на хохочущую Анну Семеновну и засмеялся сам.

— Поистине нельзя брать женщину на охоту... Ладно, пошли в лагерь, — он открыл патронник и вытащил шприц с наркотиком.

— А как же медведь?

— Его скорее всего не было. Да и вы на десять километров в округе распугали всю живность.

Он достал из кармана фонарик, осветил все еще смеющуюся женщину, укоризненно покачал головой и закинул ружье за спину. Поминутно оступаясь, они взобрались на крутой склон. Низко над ними сияли огромные холодные звезды, огней лагеря не было видно.

— Далеконько забрели, — вздохнул Иван Михайлович, включил электрический фонарик и покрутил головку, чтобы собрать лучи в пучок.

И тут они увидели медведя.

Сразу было видно, что это мертвый медведь — слишком безжизненно он лежал: лапы бессильно вытянуты, голова откинута. Волков на всякий случай передал фонарик Анне Семеновне и велел светить прямо на оскаленную морду, а сам снял с плеча ружье, осторожно подошел и ткнул зверя дулом в бок. Медведь остался недвижим. Иван Михайлович медленно обогнул массивное туловище. Демьянова повела фонариком. Круглое пятно света скользнуло по густой темно-бурой шерсти, белым, хищно изогнутым когтям, по массивной голове с круглыми остекленевшими глазками и задержалось на желтоватых мощных клыках.

— Странно, — пробормотал Иван Михайлович. — Он будто погиб от удушья. Видите — пена выступила из пасти? А тело еще теплое, значит, это произошло недавно.

— Да он от старости издох, — легкомысленно фыркнула Демьянова.

— Завтра разберемся. Во всяком случае гобийского медведя мы нашли.

5

Рано утром Волкова сильно потрясли за плечо. Спросонек он решил, что к кому-то опять забралась фаланга. Эти пауки-скалоходы на высоких ногах внушали омерзение. Стоило одному из них появиться в палатке, как тут же звали Волкова. Биолог хватал паука пинцетом за мохнатое туловище и отправлял в банку со спиртом.

— Что, опять фаланга? — хриплым басом спросил Иван Михайлович и разлепил веки.

Перед ним на коленях стоял Сайхан Наваннамжил. Лицо старого шофера посерело, узкие глаза округлились.

— Что случилось, Сайхан?

— Плохие вести, дарга. Уходить надо.

— Куда уходить? Зачем? — Волков сел, не вылезая из спального мешка, и подтянул колени.

— Люди говорят: смерть пришла в пески, — губы у монгола тряслись, слова выходили какие-то корявые. — Уже один арат погиб... Всем уходить надо.

— Погоди, не торопись. Рассказывай по порядку и подробнее.

— Не могу много говорить. Не могу имя называть — совсем плохо будет. Верить мне надо.

— Да хоть откуда опасность?

— Смерть в песках ходит!

— Сайхан, ты меня удивляешь. Мы с тобой люди немолдые, много на свете повидали. Нам ли песков бояться? Мы же мужчины!

— Слушай, дарга, — для большей убедительности шофер даже руки к груди прижал. — Я песков не боюсь, ты знаешь. Смерти тоже не боюсь.

— Ну, вот видишь...

— Я плохой смерти боюсь! — почти выкрикнул монгол.

Иван Михайлович внимательно посмотрел на шофера и задумался. Вообще-то Сайхан — опытный водитель, тридцать лет крутит баранку. Монголию извездил вдоль и поперек, Гоби знает лучше, чем лица своих детей. Зря он пугаться не будет.

— Хорошо, куда советуешь уехать?

— Чтобы песка не было!

— Сайхан, мы вчера медведя нашли, мертвого. Это очень важно для науки, понимаешь?

Монгол торопливо покивал.

— Мы его обработаем и сразу уедем. Договорились? Ты поможешь шкуру снять, череп вылущить...

— Сколько дней надо?

— Два дня, — твердо сказал Волков.

Сайхан на четвереньках пополз из палатки. У выхода обернулся:

— Отчего умер медведь, знаешь?.. Ты не сердись, дарга, я два дня в лагере сидеть буду, никуда не пойду.

Иван Михайлович проводил его взглядом. Ну и ладно, пусть отдохнет, отоспится. В последние дни ему здорово досталось. А там, глядишь, и страхи пройдут. Но что же все-

таки напугало его? Волков взглянул на часы. Скоро шесть, пора вставать. Работа сегодня предстоит очень интересная.

За завтраком обязанности распределили так: Равиль Саидович и Лубсан Максаржаб уходят в маршрут; Мэргэн Санжадорж заканчивает замеры дебита колодца Сайн-Худук; Волков вместе с Лодоем Дамбой и Колей Громовым занимаются медведем (замеры, снятие шкуры, исследование желудка и других внутренних органов, консервация); Анна Семеновна готовит ужин и устраивает запланированную еще вчера стирку; Сайхан отдыхает. Обед все берут сухим пайком, к ужину возвращаются на базу. Никаких возражений решение начальника не вызвало.

6

Наконец-то она осталась одна и может спокойно заниматься своими делами. Как ни странно, прямые обязанности врача требуют мало времени. Все члены экспедиции, кроме Волкова, вполне здоровы и в медицинской помощи не нуждаются. Да и Иван Михайлович к ней обращается редко, у него свой запас сердечных лекарств. Провела она в аилах прививку от оспы, прочитала несколько лекций, роды один раз приняла. И все. Остальное время то помогает кому-нибудь из ученых, то книжки читает. Или вот постирушку затеет. В пустыне всюду въедливая пыль. Тончайшей пудрой проникает она в спальный мешок, оседает на всех предметах, скрипит на зубах. Два раза в неделю приходится стирать белье.

Анна Семеновна спустилась к колодцу за водой. Мэргэн хотел было отобрать ведра, но она помощь отклонила. Меряй, меряй свой дебит, скорее уедем из пыльной Гоби.

Колодец по логике должен быть самым чистым местом в пустыне. К сожалению, это только благие пожелания. Овечий помет перемешан с грязью, повсюду валяются какие-то палки, тряпки, клочья шерсти. Правда, лекции по санитарии араты слушают внимательно. Может быть, они пой-

мут наконец, что овец надо оставлять подальше, а от колодца провести желоб и поить из него.

Несколько раз передохнув, Анна Семеновна принесла в лагерь два ведра воды. Технологический процесс стирки давно отлажен. Одно ведро вылила в котел и поставила на огонь. Пока вода грелась, сходила к палатке и принесла тазик и грязное белье. Налила в таз кипятку, разбавила водой из второго ведра и замочила белье. Потом насыпала сверху стиральный порошок, размешала, долила еще воды и оставила белье помокнуть. После стирки мыльную воду слила в пустое ведро. Полоскала тоже в тазике, до капли использовав всю воду. В результате у нее опять оказалось два полных ведра. Выжатое белье развесила снаружи на растяжках палатки и внутри нее на специальной веревочке, протянутой от входа до противоположного окна. А грязную воду потащила выливать подальше от лагеря к пирамидальному обо, лагерному стрельбищу.

Обо — это куча камней, бревен и жердей. Волков говорил, что их воздвигали как культовые сооружения, приносили здесь жертвы. Теперь они служат дорожными указателями в пустыне.

За обо было небольшое углубление, куда Анна Семеновна вылила из ведер воду. Посмотрела, как быстро она впитывается в песок, и собралась уходить, но тут мокрый песок зашевелился. Он подрагивал, вспучивался, влажная плотная масса рассекалась трещинами и разваливалась на комки. Уж не тарбагана ли, затаившегося в норе, облила она? Но вместо острой мордочки суслика из расступившегося песка появилось нечто круглое и сизовато-серое. Демьянова на всякий случай спряталась за обо, но продолжала наблюдать. Между тем неизвестное животное почти на полметра вылезло на поверхность и превратилось в толстого, сантиметров тридцать в диаметре, червяка, покрытого сверкающими на солнце узкими пластинками. Больше всего он напоминал огромную личинку майского жука. На тупом конце его вдруг вспыхнул голубоватый огонек, который медленно разгорался, наливаясь синевой. И тут непонятный страх охватил Анну Семеновну. Это был не страх пе-

ред опасностью и даже не страх предчувствия опасности. Это был какой-то черный кошмар, совершенно необъяснимый. Он длился несколько мгновений, потом исчез и сразу забылся. Погас и фиолетовый огонек на конце тела животного. Оно судорожно задергалось, свернулось. Толстый червяк замер, на чешуйчатое тело лег волнистый солнечный блик.

Не решаясь выйти из-за обо, Анна Семеновна внимательно разглядывала червяка, так до конца и не выбравшегося из песка. Животное казалось твердым и полупрозрачным: пластинки, кольцами охватившие тело, отливали си-

зым, а в глубине угадывалось что-то густо-фиолетовое. В передней тупой части выделялись изъеденные участки — будто ожоги. Жалко, нет в лагере Ивана Михайловича. Биологу было бы интересно взглянуть на странное существо. Везет на находки! Вчера обнаружили гобийского медведя, сегодня — какого-то червяка. Вдруг она вспомнила, что Сайхан в лагере. Можно ведь его спросить, он всех обитателей пустыни знает прекрасно.

Последовательность дальнейших событий Анна Семеновна не запомнила. Кажется, шофер не хотел выходить из палатки, и она чуть не за руку потащила его к обо. Ветер начал подниматься — вот это она отметила, потому что подумала о развешанном белье. Потом Сайхан увидел толстого червяка, завизжал неестественно высоким голосом и бросился бежать. У палаток запнулся и упал, разбросав руки и ноги. Испуганная Демьянова подбежала к шоферу — тот лежал без чувств. И вот у нее в руках ампулы и шприц, она прямо сквозь рубашку сделала два укола. Потом она затащила Сайхана в камеральную палатку, нет, это прибежавший на крики (значит, она кричала?) Мэргэн перенес шофера. Он же выпустил вверх три красные ракеты, вызывая группу Волкова. И уже совершенно четко и ясно запомнила она, как медленно розовело желтовато-серое скуластое лицо Сайхана, как он открыл узкие глаза и хрипло выдохнул:

— Олгой-хорхой!..

Утром следующего дня лагерь казался вымершим. Никто не вышел в маршрут, никто не регистрировал солнечные излучения, не снимал показаний метеорологических приборов. В колодец Сайн-Худук продолжала поступать соленоватая вода, но истинный дебит его так и остался неуточненным. У подножия высоты 1865 метров лежал гобий-

ский медведь, тщетно ожидая ученых. А они собрались в камеральной палатке, пили чай и обсуждали события.

— Да, Ефремов оказался прав, — рокотал Иван Михайлович. — Случайно мы убедились в реальности олгой-хорхой. Любопытно, что это не единственные прозорливые слова писателя. Я ночью перелистал его произведения — Ефремов предвидел голографию, алмазы Якутии, алтайскую ртуть. Его интуиции остается только позавидовать. Надо срочно заканчивать работу с медведем и везти червяка в научный центр. В полевых условиях его как следует не исследуешь...

— Я не первый год в Гоби, — вмешался Сейфуллин, — часто встречался с пастухами. Почему они мне ничего не рассказывали? И не только мне...

— Это легко объяснимо. Араты считают, что нельзя называть своего смертельного врага по имени, иначе он явится на зов. Я правильно говорю, Сайхан?

— Правильно, дарга, — опустил голову шофер.

— Поэтому кроме смутных слухов, до нас ничего не доходило. Теперь же, сопоставляя факты, можно утверждать, что олгой-хорхой обитает в песках безводных районов Гоби и на поверхности старается не появляться.

— Чем же он питается? — спросил Коля Громов.

— Пока не знаю. Как всякий обитатель пустыни, он приспособился к отсутствию воды, которая в большом количестве даже губельна для него. Вспомните, что и корни саксаула загнивают при обильном поливе. В этом году уровень подземных вод поднялся и выгнал страшных червяков на солнце. Одного из них и облила грязной водой Анна Семеновна. Какую-то роль сыграл и стиральный порошок.

— Если бы я знала, что это олгой-хорхой, — застеснялась Демьянова, — я бы тут же убежала.

— Тем не менее приготовьтесь к тому, что это место монголы назовут Демьян-Обо и будут приезжать на поклонение. Я говорю совершенно серьезно.

Анна Семеновна смутилась и спряталась за спину Сайхана.

— Так что же получается, — воскликнул Максаржаб, — этот червяк небелковый, что ли?

Волков пожал плечами:

— Конечно, белковый. Законы развития жизни нерушимы. Однако жестокие условия Гоби могли так направить эволюцию, что получился олгой-хорхой. Здесь нет ничего удивительного, белковая жизнь невероятно разнообразна.

— А как он убивает? — продолжал спрашивать географ.

— Определенного ничего сказать нельзя, — задумчиво сказал Иван Михайлович. — Есть у меня одна мысль...

— Какая же?

— Вы проверили свой прибор? — вдруг обратился к физики Волков.

— Да, — удивился тот. — Но...

— Нашли неисправность?

— Нет.

— Я так и думал. Следовательно, вы действительно зарегистрировали ультрафиолетовое излучение из песков с длиной волны около 260 нанометров?

— Выходит, так.

— И чем это объяснить?

— Получается, что в песках находился мощный источник лучей. Погодите, погодите... Живые существа не могут излучать ультрафиолет!

— Нет, могут! — твердо сказал Иван Михайлович. — В двадцатых годах крупный советский биолог Гурвич сделал интересное открытие. Он доказал, что клетки и ткани всех животных и растений производят ультрафиолетовые лучи с длиной волны, как мне помнится, от двухсот до трехсот нанометров. Вопрос этот достаточно сложный, но ясно одно: без этих лучей клетки не могут размножаться. Гурвич назвал их митогенетическими, то есть способствующими митозу, делению клеток. Теперь нетрудно вообразить животное, которое в процессе естественного отбора многократно развило способность генерировать и накапливать смертоносные лучи. Подобных примеров тьма: скаты парализуют добычу электрическим током, змея убивает ядом, который у

ее далеких предков был всего лишь слюной. А олгой-хорхой убивает излучением, причем только на близком расстоянии, так как воздух поглощает ультрафиолет.

— Ультрафиолетовым излучением убить нельзя, — возразила Демьянова. — Если доза будет слишком большой, пациент просто получит ожог. Уж я-то знаю возможности кварцевых ламп.

— Во-первых, я говорю об излучении с громадной энергией. Во-вторых, известно, что лучи с длиной волны 240 — 280 нанометров наиболее губительны для живых клеток. Они так могут воздействовать на мозг, на дыхательные центры, что жертва погибнет от удушья. Как наш злосчастный медведь.

— Не согласен! — воскликнул Лодой Дамба. — Чтобы излучать так, червяк должен быть горячее солнца. Кроме того, кожа и кости для ультрафиолета непроницаемы.

— Ну и что? Возможно, в организме олгой-хорхой имеется механизм ультрафиолетового лазера. Как известно, лазер дает мощное излучение, сам при этом не разогреваясь. Возможно, в излучении гобийского червяка есть еще какие-то жесткие компоненты, вроде гамма- и бета-лучей, которые убивают мгновенно. Все это еще предстоит выяснить. Дел у нас теперь столько, что... — не договорив, Волков встал. — В мое отсутствие меня замещает Равиль Саидович.

Потом повернулся к Демьяновой:

— В медицинской помощи нуждается арат Цэвэн, он пострадал от встречи с олгой-хорхоем. Поезжайте к нему немедленно и выясните, можно ли его отправить вертолетом в Улан-Батор. Конечно, очень важны для науки все типичные признаки поражения организма от этого излучения.

Начальник экспедиции шагнул к выходу из палатки, но еще раз обернулся к Демьяновой.

— Видите, Анна Семеновна, теперь и вы включились в серьезную научную работу.

Чарльз М. Богерт,
Рафаэль Мартин дель Кампо

SAMPODERMA ALLERGORHAIHORHAI

(1956)

Результаты, изложенные Грискомом Ройлоттом (Cand. Med., *fide* Клаубер, 1948b) в его диссертации по «Гибридизации на подотрядовом уровне», показывают (*fide* Клаубер), что гелодерматиды могут быть скрещены с такими отдаленно связанными с ними рептилиями, как кобры. Клаубер, которому удалось обнаружить микрофильм диссертации, пишет (примечания оригинала опущены): «Недостаток места не позволяет мне процитировать доказательства, приведенные в диссертации; упомяну только, что автор, описывая результаты некоторых экспериментов с европейскими ящерицами и ужами, заключает: “Факт появления зародыша заставляет считать, что вполне возможна гибридизация даже таких разных животных, как *Heloderma horridum* и *Naia tripudians* [*Naja naja*, индийская кобра]. Что это будет за создание!”».

Эти и другие относящиеся к делу материалы приведены Клаубером в его остроумном объяснении «расхождения между указанным Уотсоном заявлением Холмса и тем, что было в действительности сказано в *Пестрой ленте*»¹. Как замечает Клаубер, «природа существа, которое отняло жизнь у Джулии Стоунер, а два года спустя у ее преступного отчима, долгое время ставила герпетологов в тупик. Они не готовы были примириться с обвинением в адрес “болотной гадюки, самой смертоносной индийской змеи” по той простой причине, что такой рептилии, разумеется, не существует».

¹ С тех пор, как это объяснение было опубликовано в 1948 г., д-р Л. М. Клаубер сумел получить новые свидетельства, связанные с решением данной проблемы. Со свойственной ему щедрой любезностью д-р Клаубер предоставил эту новую информацию в наше распоряжение. Далее цитируется приложение к его письму от 24 мая 1955 г.: «Любопытно отметить, что сам Холмс (в *Вампире в Суссексе*, абз. 6), просматривая свою громадную картотеку на букву «Г», замечает: “Гила, или ядовитая ящерица... Поразительно интересное дело!”. Это показывает, какую важность он придавал ящерице в деле Ройлотта, о котором, очевидно, и шла речь».

Глубоко изучив вопрос, Клаубер приводит впечатляющие, достоверные и неоспоримые свидетельства. Он приходит к неизбежному выводу: Холмс не произносил процитированных Уотсоном слов «болотная гадюка [swamp adder], самая смертоносная индийская змея». «Напротив» — пишет Клаубер, — «сказал он следующее: “Это самподерма [samp-aderm], самая смертоносная индийская змеящерица». В примечании Клаубер указывает, что «данное название можно легко истолковать как «змея-гила» — *samp* на хиндустани означает «змея», а суффикс *aderm* без сомнения происходит от «телодерма», профессионального наименования гилы (аризонского ядозуба) и ее сородичей, широко распространенного среди европейских натуралистов. Таким образом, Холмс со своей обычной рассудительной точностью использовал составное имя для создания-гибрида, еще не известного науке».

Клаубер заключает, что Ройлотт смог продолжить эксперименты по гибридизации в Индии, где кобр, конечно, было нетрудно достать. Если предположение Клаубера верно, «цыгане обеспечивали линию доставки, благодаря которой он [Ройлотт] получал мексиканские образцы». Незаконное потомство этих рептилий описано как «зловещее сочетание — существо, объединяющее в себе разум и подвижность ящерицы с враждебным темпераментом змеи. На верхней челюсти у него имеются ядовитые клыки, унаследованные от одного из родителей, на нижней — ядовитые зубы другого; яд, многократно усиленный гибридизацией, вызывает у любой жертвы практически мгновенную смерть. Такое животное будет питаться взбитыми белками, ошибочно принятыми за молоко, и обладать ушами, как всякая ящерица, что поможет ему различать свист; ноги и когти позволят такому существу быстро карабкаться вверх и вниз по шнурку от звонка, особенно если оно будет знать, что по возвращении в комнату доктора его ждет тепло потайного фонаря. Именно с таким животным придется управляться с помощью петли на конце плети — ведь любой укротитель змей использовал бы палку с крючком. И самое главное, сочетая кобру и

гелодерму, мы в результате несомненно получим нечто схожее с пестрой лентой».

«В точности неизвестно, сумели ли некоторые существа, полученные в ходе непотребной метисации д-ра Ройлота, бежать и обосноваться в дикой природе, но мы располагаем по крайней мере тремя свидетельствами этого» — указывает Клаубер. Два из них косвенные, однако, как замечает Клаубер, «сообщения о гибели людей от укусов крайне активной и ядовитой ящерицы поступали из все расширяющегося круга местностей близ Гхатала, включая Харар, Хирпай и даже Чандракону много дальше на запад. Нет сомнений в том, что где-то в этом районе, неподалеку от Калькутты, д-р Ройлотт и обустроил свою лабораторию».

Распространение аллопатрического гибрида, по всей видимости, происходило очень быстро, и не приходится сомневаться, что он обладает многими, если не всеми признаками нового вида. Животное достаточно распространено в Индии (в чем сказывается присущая гибридам энергия, хорошо знакомая генетикам) и даже получило разговорное имя «бис-кобра» или «бискобра», недавно приведенное да Фонсека (1949) в качестве «*неидентифицированной индийской змеи*». До Павлова (1926) доходили слухи о проникновении животного далеко на север, в Манчжурию, и новый вид, как его следует теперь рассматривать, судя по всему, широко распространен в Гоби, где согласно Эндрюсу (1937), «все монголы о нем знают».

Эндрюс (*supra cit.*) утверждает, что в Гоби данное существо известно под именем «аллергорхай-хорхай»; по описаниям кочевников, оно «похоже на колбасу и так ядовито, что одно прикосновение к нему означает мгновенную смерть». Безусловно, популяция в Гоби произошла от потомков гибридов, сбежавших из лаборатории д-ра Ройлота в Калькутте, так как сам Эндрюс уверяет, что, услышав о животном, «сразу подумал о ядозубе».

Животное никогда прежде не получало научного наименования; поскольку мы разделяем авторитетное мнение Тэйлора и Френсиса (1945, с. 128), согласно которому «все очевидно валидные виды должны получить наименование

и стать известны систематикам», у нас нет другого выхода, кроме как его описать¹. Очевидно, требуется и новое родовое название. Учитывая предоставленные Клаубером и Эндрюсом данные, мы предлагаем назвать животное:

Sampoderma, gen. nov.

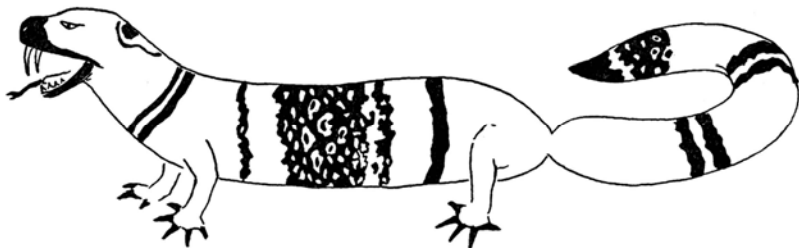
Диагноз: Форма тела напоминает колбасу, в верхней и нижней челюстях ядовитые зубы, в верхней челюсти трубчатые, в нижней бороздчатые. Родствен *Naja*, *Heloderma* и, возможно, также *Scincidae*, поскольку внешняя морфология имеет определенное сходство с морфологией некоторых сцинков, как замечает Клаубер (*supra cit.*, с. 156, прим.). *Sampoderma* имеет также много общего с *Heloderma europaeum* (см. Г. М. Смит, 1949).

Типовой вид: *Sampoderma allergorhaihorhai*, sp. nov (см. рис.).

Диагноз: Форма тела напоминает колбасу; определение экземпляров не представляет сложности, если придерживаться следующей процедуры. Прикоснитесь к экземпляру большим пальцем ноги или руки, указательным пальцем или, в случае предпочтения, носом. Если вслед за этим последует мгновенная смерть, вы можете быть уверены, что правильно идентифицировали *S. allergorhaihorhai*. Отрицательный результат потребует продолжения исследований.

¹ В оправдание нашего подхода можно процитировать и мнение Майра, Линсея и Узингера, которые, рассматривая вопрос аллопатрической гибридизации, указывают, что «“гибридная популяция” может быть названа подвидом [и все правила в отношении этой категории могут также быть применены к виду согласно международным правилам номенклатуры], если она соответствует правилу 75 процентов». Описываемая нами популяция имеет 94.4-процентную чистоту.

Псевдо-идео-голотип¹: Об экземплярах животного слышали монголы в Гоби.

Sampoderma allergorhaihorhai sp. nov. Латеральный вид псевдо-идео-голотипа, масштаб 1:10. Пол не определен, предположительно самец или самка. Заметны наследственные следы «пестроты», как на капюшоне прародителя-аспида. Идеограмма Дерри Богерта.

Распространение типа: Гоби. С определением районов Гоби, где не побывали азиатские экспедиции Эндрюса, ареал может быть сужен. Так как в исследованных ими районах данные экспедиции не добыли ни одного образца, животное, очевидно, обитает в других местах.

Гиподигм²: Об экземплярах животного слышали монголы в Гоби; также описания, предоставленные Эндрюсом (1937) и Клаубером (1948b).

¹ Этот термин, к сожалению, отсутствует в классификации типов Майра, Линсли и Узингера (1953), которые приводят абсурдное заявление Уильямса о том, что «нет никаких причин вводить более одного типа для каждого наименования». См. также Хоббс (1935, Coreia, с. 105), где предлагается термин «голо-идео-дупло-тип», по небрежности или, не исключено, умышленно оставшийся незамеченным Майром, Линсли и Узингером.

² *Sensu* Симпсон, Г.Г. Касательно исходного смысла термина см. прим. в Богерта и Оливера (1945, с. 354).

Описание: Тело похоже на колбасу. Наличествует яд. Ядовитые зубы в обеих челюстях. Имеются уши. Имеются ноги и клыки. Рисунок и расцветка напоминают пеструю ленту.

Распространение: Индия, регионы между железным и бамбуковым занавесами, а также, возможно (*fide* Клаубер, *supra cit.*) Бейкер-стрит в Англии. Распространение вида происходило с чрезвычайной быстротой и экземпляры могут быть замечены в любом месте земного шара.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таким увидел «червя смерти» известный график Э. Пачорек.

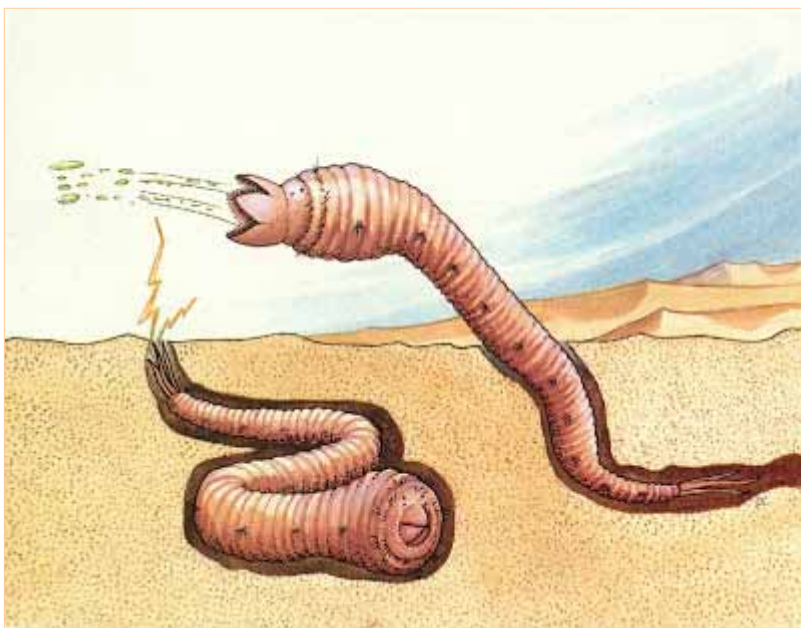
«Олгой-хорхой». Диорама И. Рябчикова.

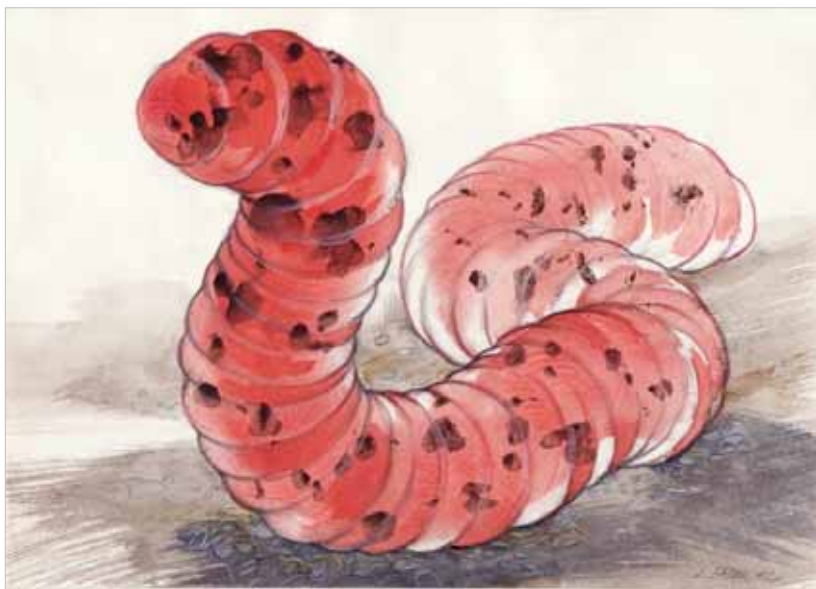
Маркус Бюлер. Модель олгой-хорхоя.

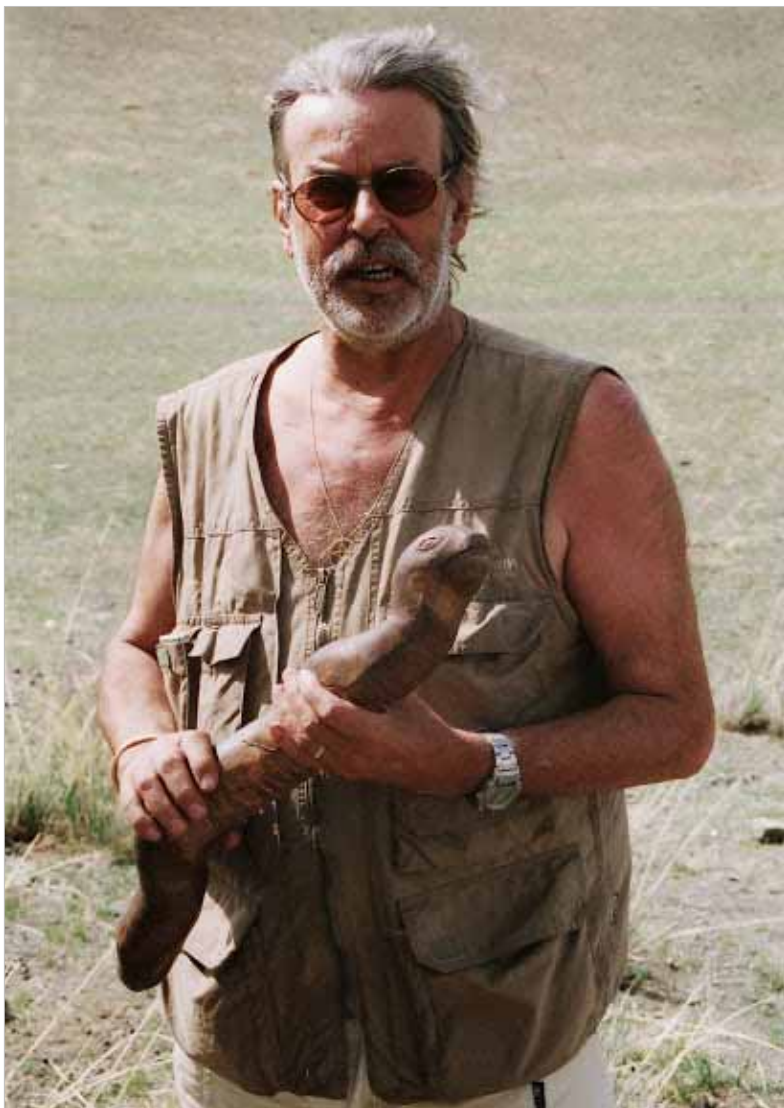
Две реконструкции олгой-хорхоя из фильма «Монгольский червь смерти» производства National Geographic (2010) – одного из многочисленных документальных фильмов последних лет, посвященных олгой-хорхою.

Олгой-хорхой в реконструкции Филиппы Фостер. Показаны два возможных способа атаки – посредством электрического разряда или разбрызгивания яда.

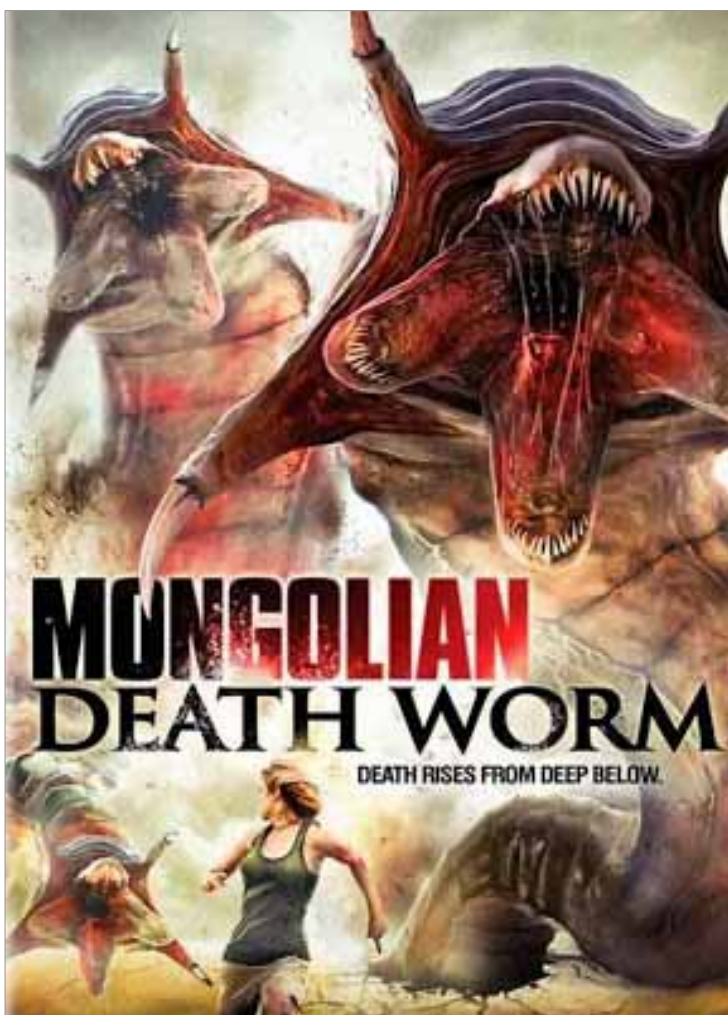
Две реконструкции олгой-хорхоя по версии И. Мацкерле.

*И. Мацкерле с резным изображением олгой-хорхоя
из музея в Национальном парке Гоби.*

Т. Ямада. Монгольский червь смерти.

В 2010 г. олгой-хорхой, приобретя черты песчаных червей Шай-Хулуд из «Дюны» Ф. Герберта (1965), а также грабоидов из кинофильма Р. Андервуда «Дрожь земли» (1990) и связанных с ним нескольких продолжений и телесериала, в свою очередь стал героем художественного телефильма С. Монро «Монгольский червь смерти».

Так выглядели олгой-хорхой в фильме С. Монро «Монгольский червь смерти» (2010). По своей бездарности, нелепости и идиотизму фильм безусловно заслуживает звания шедевра плохого кино.

Иван Мацкерле

В ПОИСКАХ ЧЕРВЯ-УБИЙЦЫ

Наш внедорожник остановился на краю глубокой пропасти. Дальше не проедешь. Мы находились в глубине ненаселенного, неисследованного и первозданно-дикого района монгольской Гоби. Вокруг расстился лабиринт скал, ущелий и движущихся песков. Мы взяли рацию и пошли вперед, чтобы осмотреть местность и найти наиболее подходящий и безопасный путь. Обливаясь потом, задыхаясь, мы забрались на иссеченный ветрами утес из песчаника и замерли в восхищении. Под нами до самого горизонта простиралась гигантская песчаная пустыня. Мы стояли на границе района, окутанного покровом таинственных и страшных историй. Прodelав восемь тысяч километров, мы прибыли к цели — месту обитания загадочного существа олгой-хорхоя, червя смерти.

Смертоносный червь

Поиски вымерших или неизвестных животных больше не являются уделом небольшого числа неисправимых искателей приключений. В 1982 году группа ученых со всего мира основала в Вашингтоне Международное криптозоологическое общество, что создало предпосылки для серьезных исследований. Общество занимается поисками некоторых наиболее известных существ: чудовища озера Лох-Несс, йети или моделе-мбембе — динозавра, который, по рассказам, обитает в джунглях и болотах Центральной Африки. Об этих фантастических созданиях написано множество книг и статей, собраны материалы — но никто даже не упоминает об олгой-хорхое из раскаленной пустыни Гоби в Монголии. Нет его и в списках разыскиваемых животных, потому что криптозоологи не знают о его существовании. И поскольку никто не прислушивался к таинственным, леденящим кровь повествованиям монгольских пастухов, никто и не пытался установить их подлинность.

Первые сведения, которые направили меня на след олгой-хорхоя, я получил случайно. На одной вечеринке у меня

завязался разговор с молодой монгольской студенткой. Когда я рассказал о своей экспедиции по поискам лох-несского чудовища, она поведала мне странную и незабываемую историю. Наклонившись ближе к моему уху, как будто речь шла о каком-то секрете, она прошептала: «У нас в Монголии тоже водится ужасное существо. Мы называем это чудовище олгой-хорхоем. Оно живет под песчаными дюнами пустыни Гоби. Оно способно убить человека, лошадь, даже верблюда». Вот и все, что она мне рассказала. Я очень заинтересовался и начал с любопытством расспрашивать об ужасном существе каждого попадавшегося мне монгола. К моему удивлению, они вели себя уклончиво и не хотели рассказывать о том, что знали, словно боялись говорить. Я остался с пустыми руками — ничего конкретного. Почему так произошло, я узнал гораздо позднее.

В истории можно найти несколько случаев, когда «легенды» приводили к научным открытиям (вспомним, как был открыт комодский варан или горная горилла). Я надеялся, что олгой-хорхой станет новым открытием, рожденным легендой. Я начал с чтения трудов о Монголии, но нигде не нашел упоминания об этом существе. Напрасно я перелистывал книги Козлова и Пржевальского, двух русских исследователей конца XIX века. Их сочинения привели меня к документам начала нашего века — книгам Свена Гедина, Осендовского, Гаслунда и других.

Завеса тайны

Ни один из них ничего не говорил о монгольском существе. Наконец, в «Новом завоевании Центральной Азии» Роя Чепмена Эндрюса, я нашел небольшой абзац на странице 62. В этой научной публикации Эндрюс описывает свою палеонтологическую экспедицию в пустыню Гоби в 1922 году. Перед началом экспедиции монгольский премьер-министр попросил Эндрюса поймать экземпляр олгой-хорхоя. Эндрюсу описали это существо: по крайней мере полметра в дли-

ну, похоже на колбасу, очень опасное. Эндрюс знал, что животное нужно искать в самых недоступных районах южной Гоби. У него было мало времени, и он не стал заниматься поисками животного, считая, что непосредственные цели экспедиции важнее. Эндрюс пишет, что в пустыне ему и его команде следы существа не попадались, не встречали они и человека, который видел бы его. Он признал, однако, что некоторые монголы, с которыми он разговаривал, были знакомы с людьми, видевшими чудовище.

«Если бы вера в его существование не была такой твердой и повсеместной среди монголов», пишет Эндрюс, «и если бы они не описывали животное совершенно одинаково, я отверг бы все это как пустую легенду». И добавляет: «Надеюсь, будущим исследователям Гоби повезет больше, чем нам». Это краткое упоминание было известно лишь немногим ученым и не привлекло должного внимания.

Смерть на расстоянии

Второе и последнее упоминание олгой-хорхой я нашел в книге русского палеонтолога и писателя Ефремова «Дорога ветров». Он пересказывает легенды, которые поведал ему Цевен из Даландзагада, старый монгол, встреченный русской экспедицией в Гоби. По словам старика, олгой-хорхой был страшным животным и таинственным образом убивал жертв на большом расстоянии. Старик рассказал Ефремову, что животное может достигать полутора метров в длину и обитает в песчаных дюнах Халдан-дзахе, примерно в 130 километрах юго-восточнее Даландзагада. Оно появляется на поверхности только в самые жаркие месяцы года, в июне и июле. Все остальное время оно спит, зарывшись в песок.

Как могло случиться, что эта потрясающая легенда все еще оставалась тайной и была практически неизвестна? «Пастухи из пустыни Гоби отказываются говорить об этом животном», — объяснил мне Чимед, переводчик и водитель

нашей экспедиции. «Они боятся, что если просто произнесут вслух его имя, их постигнет несчастье». Были, однако, и другие причины. Район южной Гоби оставался почти недоступен для иностранных исследователей и путешественников. В Монголии, как считается, невозможно свободно путешествовать без официального разрешения «высших инстанций». Но самое главное, при прежнем правительстве поиски олгой-хорхоя были под строгим запретом — в обществе видели фантастическую сказку, которая не соответствовала марксистской идеологии. До недавнего времени олгой-хорхой принадлежал к так называемым «запрещенным темам», наподобие Чингисхана. Все знали, что Чингисхан существовал, но коммунистические цензоры буквально вычеркнули его из монгольской истории.

Вот почему мне много лет не удавалось организовать экспедицию на поиски олгой-хорхоя. Правительство Монголии холодно отнеслось к этой затее, Академия наук оставляла мои письма без ответа. До падения тоталитарного коммунистического режима в 1990 году мы так и не смогли посетить Монголию. А затем вместе с давними друзьями, фотографом Иржи Скупеном и врачом Ярдой (Ярославом) Прокопечем, я воспользовался сложившейся в стране ситуацией. Мы понимали, что вожденная американская валюта может открыть многие двери, и спешно отправились в экспедицию — своего рода путешествие в неизведанное. В Улан-Баторе мы арендовали внедорожник и наняли смелого водителя. За сотню долларов он согласился без разрешения отвезти нас в «запретный» район, куда никогда не смог бы попасть обычный турист.

Логово гигантского червя

План наш был прост. Пробраться в пустыню на юге, собрать сведения у кочевников и — искать гигантского червя. На первых порах наши поиски напоминали игру в прятки. Молодежь мало что знала о черве-убийце, старики отказы-

вались о нем говорить. В Даландзагаде нам сказали, что олгой-хорхой можно найти в Ханбогде. В Ханбогде нам посоветовали искать в Даландзагаде. Поэтому мы решили основательно прочесать всю южную Гоби вплоть до китайской границы. Чимед сказал мне, что наш проводник Хамгалалу, которого мы наняли в Ханбогде, знает о случае, когда олгой-хорхой убил целую семью, но не хочет рассказывать. Делать было нечего, пришлось ждать подходящей возможности. Она подвернулась на следующий вечер. Мы разбили лагерь у развалин древнего монастыря, нашли немного дерева и развели костер. Открыли бутылку архи, монгольской водки — и результат не замедлил последовать. Сперва мы слышали только то, что смертоносный червь очень похож на кишку коровы; отсюда его название, «кишечный червь». Он темно-красного цвета, как кровь или салями, а голову от хвоста почти не отличить, так как у червя не видно глаз, ноздрей или рта. Двигается это существо странно: иногда катится, иногда ползет боком, сжимаясь и распрямляясь. Ему нравится желтый цвет.

Смерть ребенка

Мы откупорили вторую бутылку. Костер догорал, но водка разогревала нас, и вскоре мы слышали историю, которую я ждал с таким нетерпением. В ней говорилось о желтой коробке, что привлекла злобного червя прямо в юрту. В юрте играл маленький мальчик. Он потянулся к своей желтой коробке, чтобы достать игрушку, дотронулся до спрятавшегося внутри червя и был убит на месте. Вернувшись, родители увидели только волнистый след, который вел из юрты в пески. Они поняли, что случилось, и пошли по следу, желая отомстить за сына. Однако олгой-хорхой расправился и с ними.

Проводник закончил рассказ. Костер погас, но я долго сидел под черным, усеянным звездами небом, и глядел на угли; время от времени над ними еще вставал голубоватый

огонек. Я устал — и не мог заснуть. Я думал о странном существе, что притаилось, может быть, совсем рядом.

Когда я спрашивал, как именно убивает олгой-хорхой, никто сперва не мог точно ответить. Монголы считали, что червь использует электричество или сильный яд. Все, что соприкасается с этим ядом, даже металл, немедленно желтеет и кажется изъеденным какой-то кислотой. В конце июня яд теряет силу, и тогда встреча с опасным червем не обязательно заканчивается смертью. И еще один интересный факт — олгой-хорхой чаще всего появляется в местах, где произрастает пустынное растение «гойо». Это уродливый паразит в форме сигары, растущий на корнях саксаула; в нем содержится какой-то наркотик или яд. Может быть, червь-убийца добывает свою страшную отраву из этого растения?

Первый свидетель

Неподалеку от Нойона жил пастух верблюдов Джамадоржин Цеден. Он рассказывал, что видел олгой-хорхой. Нам хотелось получить сведения из первых рук, но юрта Джамадоржина, к сожалению, оказалась пуста, и никто не мог сказать, когда он вернется. Словно в награду, полог соседней юрты был гостеприимно распахнут. Старуха по имени Пурет сердечно пригласила нас войти. После неизбежной церемонии с распитием чая и кумыса (сброженный, слегка опьяняющий напиток из лошадиного молока) и скручивания сигарет, мы перешли к «застольной беседе» о стадах и отарах, а затем Чимед искусно перевел разговор на олгой-хорхой. Старой женщине понадобилось какое-то время, чтобы решиться обсуждать эту тему, но наконец она заговорила:

«Сама я никогда не видела олгой-хорхой, но много о нем слышала. Говорят, что он ползает под дюнами, а когда хочет кого-то убить, наполовину высовывается из песка. Он начинает раздуваться, пузырь на его теле становится все

больше и в конце концов оттуда выплескивается яд».

Она вновь наполнила наши чашки и продолжала:

«Олгой-хорхой способен убить не только человека, но и верблюда. Лет тридцать назад он убил целое стадо чуть южнее Нойона. Верблюды знают о черве и стараются избегать мест, где он может прятаться. Но олгой-хорхой появляется очень редко и обычно только после дождей, а они в этой части света более чем редки. В таких случаях олгой-хорхой несколько дней греется на солнце и после снова исчезает».

Так мы сидели за чаем, с волнением слушая незабываемые истории, которые ходят среди небольшой группы пастухов. Подобные истории долго не живут; бывает, их можно услышать лишь однажды.

Ящерица или червь?

Никому еще не удалось сфотографировать олгой-хорхой, и останки существа никогда не попадали в руки ученых. Мы считаем, что данные, собранные нами в первой экспедиции, помогут определить некоторые особенности этого создания. Такая легенда определенно не могла бы основываться, скажем, на змее — ведь змеи хорошо известны пастухам. Еще один кандидат — неизвестный вид сцинка. Сцинков относят к ящерицам, хотя отдельные виды почти или совсем их не напоминают. У короткохвостого сцинка коническое тело длиной до 40 см, небольшая голова и короткий закругленный хвост, так что его переднюю и заднюю части нелегко различить. Он закапывается в песок, совсем как олгой-хорхой. Но у всех сцинков имеются короткие ноги, а тела их покрыты чешуйками, тогда как у нашего животного, по рассказам, тело гладкое, и движется оно подобно червю, извиваясь или сжимаясь и распрямляясь.

Если олгой-хорхой в самом деле ящерица, он должен ближе всего стоять, вероятно, к двуходкам или амфисбенам. Эта рептилия лишена чешуи, достигает не менее 50 см в длину, живет под землей и выползает только после дож-

дя. Но, как и короткохвостый сцинк, амфисбены не ядовиты. Только один вид ящериц, к которому относятся мексиканский ядозуб и «гила-монстр» (аризонский ядозуб), обладает ядовитыми зубами. Однако ни одна из этих ящериц не напоминает червя, а их яд вряд ли способен мгновенно убить человека.

Рассматривая беспозвоночных червей, мы можем увидеть, что некоторые морские виды используют яд. Такое замечательное создание, как лентовидный червь, достигает нескольких метров в длину, а в своеобразной сумке на спине несет нечто вроде хоботка, длина которого вдвое превышает длину тела. На конце хоботка расположены ядовитые стилеты. Почувствовав опасность, червь способен быстро развернуть хоботок и пронзить угрожающее ему существо стилетами. Но изучение этого животного не поможет нам разрешить загадку, так как лентовидный червь и другие подобные ему ядовитые черви обитают в море, а не на сухом песке.

Остается последнее: олгой-хорхой — это совершенно неизвестное реликтовое существо, которое сумело сохраниться в пустынном уголке нашей планеты. Отдаленность и негостеприимность Гоби создали идеальные условия для выживания этого создания. Пустыня Гоби является крупнейшим местом захоронения окаменевших костей динозавров, и это доказывает, что когда-то здесь обитали многочисленные доисторические животные.

Картинка стоит тысячи слов

Конечно, зоологи будут проявлять скептицизм до тех пор, пока не будет предоставлена качественная фотография или видеосъемка животного. Такова была цель второй нашей экспедиции в пустыню Гоби. На этот раз нам не нужно было собирать сведения по юртам. Мы хотели подобраться к таинственному существу поближе и заснять его на пленку. Фильм, рассуждали мы, даст намного больше полезной

информации, чем фотография и, разумеется, поможет определить и классифицировать животное. Янгижин Магалшав, престарелый объездчик и инспектор природной охраны из Далангзагада, дал нам несколько советов по поискам олгой-хорхой. Названия мест, которые он упоминал, мы с трудом могли произнести: Гочжингин-холой, Ундургут, Ораг-нур и так далее. Ни на одной карте они не значились. Пришлось нанять местного проводника. Перед выездом мы разработали целый план и надеялись, что он даст нам «шанс» увидеть неуловимого червя. Ждать, пока чудовище любезно согласится нам показаться? Нет, проще заставить его вылезти из песка прямо перед нами и объективом нашей камеры. Вначале мы подумывали об электрическом разряде, но в конце концов решили использовать привезенную с собой взрывчатку. Взрывная волна пройдет сквозь песок, и сотрясение заставит все живое появиться на поверхности дюн. По совету пастухов, мы собирались держаться метрах в десяти от червя. На таком расстоянии мы получим четкие и качественные кадры. Мы исследовали несколько районов и нашли их недвижимыми и безжизненными. В Гоби никогда не перестает дуть ветер. Здесь двигался лишь пересыпаемый ветром песок на дюнах, единственным звуком был грохот взрывов.

Однажды мы с удивлением заметили юрту. В этих безлюдных местах она, казалось, упала с небес. Вскоре мы узнали, что там жил старик-шаман. Юрта отличалась любопытными украшениями, обстановка в ней была странная и таинственная. Как ни странно, старик догадался о цели нашего путешествия и сразу же обратился к нам с предупреждением. Он сказал, что мы должны прекратить эксперимент и убраться восвояси, поскольку нарушили «табу пустыни». Олгой-хорхой — это не живое существо из плоти и крови, а сверхъестественное и злое создание, «пустынный демон». Я припомнил, что такую же историю рассказывали ламы из монастыря на краю пустыни. Они говорили, что даже упоминание имени олгой-хорхой может грозить опасностью. Шаман охотно беседовал с нами, но, когда мы попросили его подробнее описать «демона», он

только скривился и произнес: «Кишка, наполненная кровью». Я заворожено выслушал слова шамана, и перед моим мысленным взором встал четкий образ неведомого существа. Я ощутил внезапный приступ тошноты.

Живой кошмар

На следующую ночь то же ужасное ощущение посетило меня во сне. Мне привиделась огромная фиолетовая песчаная дюна, из которой выползало жуткое существо. Я хотел бежать, но не мог. Я пытался спастись, но ноги отяжелели, а все тело ослабело. Страшный, похожий на червя зверь выбрался из глубин дюны. Он присосался к моей спине, как присасывается к ране отвратительная пиявка. Вспышка боли вырвала меня из кошмара. Фиолетовая дюна и страшное существо исчезли, но острая боль оставалась — она была настоящей. Слава богу, рядом был Ярда, наш врач. Он осмотрел меня и увидел, что все мое тело покрылось распухшими кровоподтеками. Он осторожно перевернул меня: на спине образовался кровавый мешок, словно «...кишка, наполненная кровью». Как это могло случиться?

Ярда в отчаянии сделал мне укол. Это не помогло. На следующий день появились новые гематомы, сердце начало отказывать. Я был в довольно плохом состоянии. Поневоле нам пришлось отказаться от дальнейших исследований в пустыне. Моя болезнь заставила нас вспомнить предупреждение шамана: «Если вторгнетесь во владения олгой-хорхой, вам грозит смерть!»

Так что же — проклятие? Полная ерунда, конечно. Но не исключено другое объяснение. Что если олгой-хорхой — нематериальное видение? Когда человек долго находится в пустыне, где меняются только очертания дюн, где кругом песок и только песок, он может впасть в нечто вроде гипнотического транса. Его сознание заполняют странные образы и видения, проникшие из подсознания или духовно вызванные шаманом или ламой. Не имеем ли мы дело с су-

ществами из мира других измерений? Одна из теорий гласит, что видения тесно связаны с определенными местами. Наша планета исчерчена линиями. Это воображаемые линии, соответствующие подземным течениям неизвестной хтонической силы. Наделенные особой чувствительностью люди, например лозоходцы, чувствуют присутствие этой силы. Говорят, что на пересечениях силовых линий, где концентрируются огромные запасы энергии, могут время от времени возникать своего рода «мосты». Такие мосты соединяют наш мир с другими невидимыми мирами или областью бытия, параллельной нашей. Некоторые верят, что подобные места тесно связаны с паранормальными явлениями — визитами «призраков», полтергейстами и даже НЛО.

Менее пугающее и более прозаическое объяснение состоит в том, что олгой-хорхой все же является живым существом — но настолько редким, что шаманы на протяжении веков поклонялись ему, как божеству. Возможно, они продолжают проводить свои магические ритуалы и телепатически насылают негативные силы на любого, кто осмелится потревожить покой олгой-хорхоя и ступить на священные дюны. Защищает ли зверя проклятие чародеев — как проклятие жрецов оберегает мумии фараонов? Ученые отвергают идею «проклятия»; но если мы хоть немного верим в целителей, людей, способных исцелять на расстоянии, почему не допустить, что существуют шаманы, обладающие способностями совершать прямо противоположное и насылать на своих жертв болезни?

Может случиться, однако, что в нашей экспедиции сыграло роль простое совпадение. Мое внезапное недомогание могло быть вызвано экстремальными условиями пустыни Гоби; в таком случае, олгой-хорхой не имел ничего общего с кровоизлияниями и сердечной недостаточностью. Живое это существо или метафизический монстр? Единственный способ раскрыть загадку — это организовать еще одну экспедицию в Гоби и вновь прочесать безводные дюны. Никто не знает, что скрывает песок. Черная Гоби, самая страшная пустыня на Земле, по-прежнему хранит свои тайны.

Адам Дэвис

ЧЕРВЬ СМЕРТИ

(2004)

Когда в первый раз слышишь о монгольском черве смерти, он кажется дурной шуткой, чудищем из второсортного кино или особо бездарного комикса. Пятифутовый (1.5 м) червь, обитающий в громадных и неприветливых пространствах пустыни Гоби, известен монгольским кочевникам как олгой-хорхой (иногда его название передается как аллергорхай-хорхай) или «кишечный червь» благодаря сходству с толстой кишкой коровы. Он красного цвета, по некоторым описаниям — с более темными пятнами или разводами и острыми выступами на обоих концах. Рассказывают, что его неприятная внешность не обманывает и он очень опасен: плюет на жертву смертельным едким ядом и способен убивать на расстоянии нескольких футов с помощью фатального электрического разряда.

На английском это примечательное животное было впервые описано в книге профессора Роя Чепмена Эндрюса «По следам первобытного человека» (1926). Правда, американский палеонтолог (по всей видимости, вдохновивший создателей образа Индианы Джонса) был не слишком впечатлен рассказами о чудовище, которые услышал на встрече с монгольскими министрами: «Никто из присутствующих не видел этого животного, но, тем не менее, все твердо верили в его существование и даже описывали мне подробно его внешний вид».

Что же такое червь смерти — миф? Или где-то там прячется в ожидании открытия реальное существо?

Интернет полон историй о чудовище: дескать, монголы так его боятся, что держат рот на замке и не хотят говорить о нем; населяет оно самые враждебные местности, где другим, не таким страшным животным ни за что не выжить; убивает взглядом, испуская из глаз молнии! Последнее известие запустило у меня в голове тревожный звоночек. Сказать, что я был настроен недоверчиво, значит не сказать ничего — ведь я не в первый раз собирался искать криптоида с подобными «магическими способностями». Несколько лет тому назад я побывал в Конго, где разыскивал мокеле-мбембе, «живого динозавра», который, по опи-

саниям пигмеев, так же лихо управляется со смертоносными молниями.

Чешский исследователь Иван Мацкерле организовал две экспедиции (в 1990 и 1992 годах) на поиски олгой-хорхоя и собирается вернуться в Гоби этим летом. Теперь он намерен воспользоваться сверхлегким летательным аппаратом и надеется разглядеть с высоты загадочное существо, греющееся на поверхности. Мацкерле собрал огромное количество информации об олгой-хорхое, в том числе из малоизвестных монгольских источников, а также составил полезную и сжатую справку — обязательное чтение для всех будущих охотников на червя смерти:

Похожий на колбасу червь более 50 см (20 дюймов) в длину, толщиной с мужскую руку, напоминает по виду коровью кишку. Хвост короткий, как будто обрубленный, но не суживающийся. Голову трудно отличить от хвоста, так как у животного нет видимых глазных отверстий, ноздрей или рта. Цвет темно-красный, как у крови или салями... Двигается странным образом — катится или ползет вбок, сокращаясь. Обитает в пустынных песчаных дюнах и раскаленных ущельях пустыни Гоби, прячась под землей в корнях саксаула. Животное можно увидеть только в самые жаркие месяцы года, т.е. в июне и июле; в прочие месяцы оно закапывается в песок и засыпает. Появляется из-под земли обычно после дождя, когда почва влажна. Животное опасно и способно мгновенно убить людей и скот на расстоянии нескольких метров.

Иван очень помог мне с организацией моей собственной экспедиции и подсказал ряд многообещающих мест, откуда мы могли начать поиск существа. Согласно справке Ивана, все встречи с червем смерти происходили в самое жаркое время года — в июне и июле — в южной Гоби, где царят настоящие крайности: летом здесь невыносимо жарко, зимой наступает леденящий холод. Если у нас есть хоть малейший шанс найти червя смерти, нужно отправляться на его поиски летом.

Я мог надеяться только на собственные средства. Пришлось копить деньги на поездку в Монголию. К началу ию-

ля 2003 года все приготовления были закончены и я был готов отправиться в путь. Ко мне присоединился давний коллега, Энди Сандерсон, который уже сопровождал меня в нескольких экспедициях и разработал почти все детали монгольской поездки.

Перед отлетом встал вопрос об атипичной пневмонии, тем более что мы летели через Пекин. Но мы больше двух лет готовили эту экспедицию, и теперь ничто не могло нас остановить. И все-таки мы испытали некоторый шок, когда на борту самолета в Хитроу нас приветствовали стюардессы «Air China» в масках и халатах.

Пекин показался нам вымершим городом. Площадь Тяньаньмэнь была пуста, лишь несколько человек запустили воздушных змеев. По Запретному городу мы бродили в одиночестве и только время от времени мимо маршировали группы китайских солдат в перчатках и масках.

На следующий день мы благополучно прошли обязательные медицинские проверки и очутились в Улан-Баторе. Там мы встретились с нашей монгольской командой: Джага, водитель, Бильджи, повар и переводчик, и Баямба, который должен был «решать вопросы» в столице.

В тот вечер, за обедом, я изложил наш план поисков олгой-хорхой. В общих чертах, мы собирались поехать в район к югу от Нойона, где чаще всего видели существо, собрать показания свидетелей, оценить их достоверность и затем отправиться в соответствующие места. На вооружении у нас будет GPS и лучшие карты, какие мы сможем найти; однако мы принимаем в расчет, что подробные картографические съемки в тех местах давно или вообще никогда не проводились.

Команда вроде бы подобралась хорошая, все отлично ладили друг с другом, а Бильджи, похоже, одобрил наш план. Он только осторожно заметил: «Мы проведем много недель в Гоби, будем жить в палатках. Это очень долго, и мы чертовски устанем!»

Устанем или нет, но времени у нас было мало. Чем дольше мы будем оставаться в негостеприимной Гоби, тем выше вероятность найти существо. Я решительно сказал,

что именно так мы собираемся поступить. Итак, мы выпили за отъезд и тронулись в путь.

Первое, что поражает в Монголии — это огромность и строгая красота равнин. Они представляют собой совершенно незабываемое зрелище. Бесконечно тянется ровная плоскость, только изредка мелькнет стая антилоп или деловитый сурок. Здешние жители — одни из самых гостеприимных людей в мире и отличаются искренним дружелюбием. Чтобы в этом убедиться, достаточно преодолеть забор из больших зубастых собак, которых им приходится держать для защиты от волков.

Мы быстро пришли к, может быть, не самому лестному выводу — монгольскую еду лучше оставить монголам. Баранина на завтрак, баранина на обед, баранина на ужин... Летом баранину запивают айраком, перебродившим кобыльим молоком (хотя в Гоби мы в основном пили верблюжий айрак). По вкусу айрак похож на жирное и комковатое кислое молоко. Обычаи очень важны для кочевых монголов. Многие все еще живут в традиционных войлочных шатрах, называемых «гер». Было бы невежливо отказываться от угощения, и мы ели и пили все предложенное с самым одобрительным видом, а затем советовались с Бильджи, чем можно отдарить хозяев.

По пути в пустыню мы заночевали у заброшенного монастыря. Странно было думать, что всего 10 лет назад тут правили коммунисты, которые перебили всех монахов. Примерно в это время в Монголии впервые побывал Иван Мацкерле; может быть, рассказы о немногословных монголах, не желающих беседовать с иностранцами, объяснялись тем, что со сталинских времен их общество подвергалось постоянным репрессиям.

Когда я сидел тем вечером в лагере, размышляя обо всем этом, мимо скользнула змейка, изогнув в мою сторону голову. «Волчья змея», — сказал Джага. «Очень ядовитая!»

Постепенно местность становилась все менее плодородной, зеленые тона начали сменяться коричневыми. При любой возможности я расспрашивал встречаемых монголов об олгой-хорхое. Многие слышали о нем, но не могли ничего

сказать о его местах обитания и привычках. Только в Национальном заповеднике Гоби мы получили первый дельный совет.

Один из зрителей заповедника рассказал нам, что местный житель вырезал из дерева изображение олгой-хорхой. Теперь оно занимало почетное место в музее среди чучел снежных барсов и горных козлов. Проводник также знал одного старика — тот много лет собирал рассказы о хорхое. Он жил в туристском «гере» примерно в 30 км (19 милях) от нашего лагеря.

Целый день мы разыскивали старика, наконец нашли и приступили к серьезному разговору. Он показал нам на карте точные места, где наши поиски могли увенчаться успехом. Существо, по его словам, обычно появляется в июне или июле; оно любит закапываться в песок, чаще всего попадает сразу после дождя и во время цветения «гойо» (паразитическое растение с желтыми цветами).

Один его совет заставил нас побеспокоиться: в ущельях, предупредил старик, водится очень злобный паук — при случае он не прочь напасть на человека! Я не очень-то поверил старику. По моему опыту, змеи, пауки и другие создания, которых мы наделяем угрожающими свойствами, при первом же признаке неприятностей обычно стараются скрыться. Энди выглядел озабоченным: он считает паука самым неприятным существом на свете.

На следующий день мы направились в район, где никогда раньше не ступала нога иностранца. Здесь мы нашли первого действительного ценного свидетеля. Это был молодой парень, который всего три года назад видел хорхоя у местного колодца. Как оказалось, в близлежащих деревнях не он один встречался с хорхоем. Получив эти сведения, мы решили расспросить очевидцев, а затем отправиться на самое многообещающее место.

Как нам сказали, около местной военной базы жил один достойный доверия человек, некто Хурвоо, который трижды видел существо. Не успели мы найти Хурвоо и приступить к обычным расспросам — где, когда, длина, описание и так далее — как нас арестовали! Нам велели сидеть в джи-

пе и приставили к нам охрану. Полковник на базе (с которым я за день до того пил водку) внезапно сделался подозрительным и решил, что мы китайские шпионы! Нас с Энди долго допрашивали поодиночке; наконец, мы вызвали к местному генералу, и он быстро велел нас отпустить.

Отныне мы должны были информировать полковника о всех наших передвижениях. За исключением этого мелкого неудобства, мы были преисполнены надежд — нам удалось собрать замечательные свидетельства. Я составил таблицу с перекрестными ссылками и привязкой к географическим пунктам. Меня поразило, в частности, что описания физических характеристик существа во многом совпадали. Все рассказывали о создании, похожем на толстую личинку; во многих случаях оно закапывалось в песок; все очевидцы говорили о существе, напоминавшем змею. Рассказ одного из них был особенно живописен. Этот человек случайно прикоснулся к хорхой, почувствовал жжение в руке и сунул руку в мешок, где бродил айрак; от яда напитков приобрел зеленоватый цвет.

Полученные сведения помогли нам выбрать три места, где встречался олгой-хорхой. Мы учитывали их близость к нашему местоположению, а также время, которое могли уделить поискам. Мы решили, что будем искать следы существа путем пеших вылазок в разное время суток. Два часа ранним утром, еще два часа после завтрака, после обеда и ранним вечером — в общей сложности от шести до семи часов ежедневно. Это оказалось непростым делом. В пустыне, да еще на высоте, начинает казаться, что тело облачено в тяжелые рыцарские доспехи; затем становится все жарче, начинаешь задыхаться, мысли текут вяло, говоришь с запинками.

Не слишком помогала и палатка. Перед отъездом мы хотели было купить специальную высокогорную палатку, стойкую к жаре и ультрафиолетовым лучам, но такая стоила не меньше 400 фунтов и была нам просто не по карману. Монголы пообещали обеспечить нас палаткой, и мы необдуманно решили, что на том и остановимся. Увы, это

оказалась детская палатка, купленная в монгольской вариации «Вулворта» и вся разрисованная изнутри клоунами и игрушечными мишками! Самое худшее состояло в том, что иногда нам приходилось проводить в ней долгие часы, пережидая жару (температура порой достигала 49 градусов по Цельсию). Достаточно сказать, что у меня развилась патологическая ненависть к клоунам.

И все-таки палатка честно выдержала кое-какие испытания — однажды ночью она пережила сильную песчаную бурю, а к концу экспедиции выглядела куда лучше, чем мы. К тому же, в отличие от нас, даже в самые тяжелые дни лица клоунов весело скалились улыбками маньяков.

У первого лагеря мы нашли множество волчьих следов и летающей мошкары. На хорхойском фронте — никаких подвижек. Мы перебрались на новое место. Оно, как мне показалось, идеально подходило для олгой-хорхоя; и действительно, здесь много раз видели это существо. К несчастью, местность также облюбовали тысячи жалящих мух. В один из дней я насчитал на себе 50 укусов. Не помогали даже сочитания самых сильных репеллентов. Тем не менее, мы отметили здесь день рождения Энди, и я сомневаюсь, что он его скоро забудет.

В последний день я велел Джаге свернуть лагерь и вместе с Энди и Билджи отправился в финальный обход. У лагеря навстречу нам выбежал Джага, нервно размахивая руками. Выяснилось, что один из страшных пауков спрятался под палаткой; когда Джага сдвинул палатку, паук напал на него.

Теперь паук засел под канистрой с водой. Едва Бильджи приподнял ее, паук повел себя точно так, как рассказывал старик — приподнялся на лапах и кинулся на меня! Я отскочил в сторону.

— Убей его! — заорал Бильджи.

— Нет, — опрометчиво заявил я. — Пусть живет!

Паук ринулся на Бильджи и взобрался по его штанине. Укус ядовитого паука был бы крайне опасен, учитывая, в каких отдаленных местах мы находились. Бильджи удалось стряхнуть паука.

Ничуть не испугавшись, паук двинулся на Энди.

— Убей его! — заорал я.

По пути к последнему лагерю мы остановились у «ге-ра» старого монгола, который в 1948 году участвовал в геологическом исследовании местности. Этот загадочный человек сидел, весь сторбившись, в шатре и рассказывал нам свою историю за чаем, прерываясь на понюшки табаку.

Он вспоминал, как один из геологов впервые увидел хорхоя и спросил его, что это за существо. Оба они испугались и оставили существо в покое. На следующий день участники экспедиции повстречали в той же местности еще двух хорхоев — и поспешно сожгли их. Когда я спросил, почему, старик повернулся ко мне, посмотрел мне прямо в глаза и сказал: «Потому что мы боялись. Я боюсь того места. С тех пор я только два раза там бывал. Сами увидите...»

Монголы — люди суеверные, и Джага с Бильджи всю дорогу тревожно озирались по сторонам. Я беспокоился о воде. Вода из колодцев в Гоби очень соленая, а мы находились довольно далеко от ближайшего колодца.

Местность представляла собой большую гряду нависающих утесов, сложенных из песчаника; у подножия их мы почувствовали, что расплавляемся от жара, словно на громадной сковородке. Нам всем было здесь как-то не по себе. Это чувство только усугублялось благодаря большому количеству скелетов животных, попавшихся нам по дороге; то были жертвы засухи последних нескольких лет.

И время, и питьевая вода были на исходе. Мы приняли решение вернуться и вновь взяли курс на столицу. Несмотря на многочисленные свидетельства очевидцев, мы были не ближе к неуловимому червю смерти, чем в самом начале пути...

Обратное путешествие оживил визит к Наддаму, чемпиону по борьбе и знакомцу Бильджи. Я совершил колоссальную глупость, предложив ему побороться. Опыта у меня не было никакого — в общем, вообразите человека, который не имеет понятия о боксе и бросает вызов самому Ленноксу Льюису! Даже мои суровые монгольские друзья,

уважительно называвшие меня «большим боссом», несколько побледнели.

Я отчаянно сопротивлялся, но мое поражение было предрешено. Хозяевам явно понравилось, что я с такой охотой выставил себя круглым дураком; брат борца предложил зарезать в честь нашего поединка козла и сказал, что будь я монголом, непременно стал бы борцом!

По окончании экспедиции, в Улан-Баторе, мы с Энди получили чудесные подарки — вручную изготовленные братом Джаги серебряные кольца, сплетенные из четырех звеньев. Каждое означало одного из участников нашей экспедиции, а все вместе — нашу нерушимую и вековую дружбу. Эти кольца всегда будут служить нам трогательным напоминанием о фантастическом путешествии, о посещении мест, где до нас не побывал ни один европеец — пусть мы и не нашли там червя смерти...

Но что с таинственным созданием, ради которого мы проделали такой далекий путь?

Да, удача нам не улыбнулась, и мы не нашли научных доказательств его существования. Но я убежден, что оно где-то там. Ареал и географическая отдаленность соответствует подобному существу, оно вписывается в экосистему и обитает, как говорят, в громадных и пустынных районах, что может объяснить, почему оно все еще остается неизвестным науке. И главное, свидетельства людей, живущих вдалеке друг от друга, близко совпадают в описаниях и деталях.

Я могу только повторить слова Роя Чепмена Эндрюса: «Если бы вера в его существование не была такой твердой и повсеместной... и если бы все не давали одно и то же описание, я отверг бы все это как пустую легенду».

Я знаю, что олгой-хорхой где-то там, и искренне желаю удачи будущим исследователям, которые возьмутся доказать мою правоту. Кто знает? Может, я и сам еще раз попробую.

КАРЛ ШУКЕР

МОНГОЛЬСКИЙ ЧЕРВЬ СМЕРТИ:

Электрический сюрприз Гоби?

(2012)

Не каждый день — и не каждая экспедиция — начинается с просьбы главы иностранного правительства поймать экземпляр настолько неуловимого и смертоносного животного, что западная наука даже не знает о его существовании. Однако именно это произошло в 1922 году, когда видный палеонтолог проф. Рой Чепмен Эндрюс, глава Центральноазиатской экспедиции Американского музея естественной истории, встретился с монгольским премьер-министром, чтобы получить разрешение на поиски костей динозавров в пустыне Гоби. И что же за существо попросил его поймать монгольский премьер? Всего-навсего смертельно опасного олгой-хорхоя — или, как сегодня в мире чаще всего называют это создание, монгольского червя смерти.

В 1920-х годах об этом необычайном и таинственном животном вне Монголии никто даже не слышал. Сегодня оно является одним из самых (печально) известных криптидов — в основном благодаря ряду беспрецедентных экспедиций в место обитания олгой-хорхоя, южную Гоби, организованных чешским исследователем Иваном Мацкерле. Первая из них состоялась в июне-июле 1990 г., а позднее эти экспедиции привлекли значительный международный интерес. В ходе поисков, Иван составил весьма внушительное досье на червя смерти, содержащее показания очевидцев и другие анекдотические сведения; впоследствии он предоставил их мне для свободного использования в моих собственных работах, которые можно резюмировать следующим образом:

Местные названия — олгой-хорхой и аллергорхай-хорхай — переводятся как «кишечный червь», так как, по описаниям свидетелей, это таинственное создание в форме колбасы напоминает живую кишку. Существо красного цвета с темными пятнами, достигает в длину 1-1.6 м, толщиной с мужскую руку; у него отсутствуют видимые чешуйки, рот, глаза и любые другие очевидные сенсорные органы. Оба конца тела округлые, однако, по некоторым описаниям, по крайней мере на одном конце имеются длинные острые выросты.

Большую часть года червь смерти прячется под песками Гоби, но в самые жаркие месяцы — июнь и июль — порой выползает на поверхность; особенно часто это случается после дождя.

Местные жители утверждают, что червь смерти встречается совместно с порослью черного саксаула (*Haloxylon ammodendron*), пустынного кустарника с желтыми цветами, на корнях которого паразитирует гойо (*Synomorium songaricum*) — странное растение неопределенной таксономической принадлежности в форме сигары.

Опять-таки согласно местным преданиям, червь смерти смертельно опасен по двум совершенно различным причинам. При близкой встрече он, по рассказам, поднимает вверх один из концов тела и затем с безошибочной точностью выпускает на жертву струю крайне ядовитой кислотной жидкости, которая обжигает кожу, заставляя ее желтеть, и быстро вызывает смерть. Утверждается, что червь смерти получает эту высокотоксичную субстанцию извне — из корней саксаула либо паразитирующего на них гойо (это напоминает ядовитых лягушек-древолазов Южной Америки, чья кожа выделяет токсины благодаря кое-каким мелким членистоногим, которые служат им пищей). Мои исследования, однако, не дают никаких оснований полагать, что корни черного саксаула ядовиты; я также нашел, что растение гойо бесспорно не ядовито (его употребляют в пищу в голодные периоды, и оно широко используется в китайском траволечении). Поэтому, если червь смерти действительно выделяет ядовитую жидкость, токсины предположительно поступают изнутри, а не извне.

Еще более шокирующим — во всех смыслах! — является второй способ нападения. Кочевники-пастухи, населяющие южную Гоби, рассказывают о целых стадах верблюдов, которые мгновенно гибли, ступив на песчаный участок, где под поверхностью прятался червь смерти. Более того, один из местных проводников Ивана Мацкерле рассказал, как много лет назад геолог, посетивший с экспедицией Гоби, погиб, когда ткнул металлическим шупом в песок. Он тут же упал замертво, словно без всякой причины; но когда к

телу геолога подбежали его товарищи, они увидели, что песок в том месте резко зашевелился, и на поверхности показался громадный и жирный червь смерти.

Верблюды, предположительно, погибли при прямом соприкосновении с червем смерти, скрытым тонким слоем песка у них под ногами. Но геолог не вступал в прямой контакт, а только прикоснулся к червю щупом. Такое действие могло привести к смерти лишь в случае электрического удара — чем, конечно, может объясняться и мгновенная гибель верблюдов. Существуют различные таксономические группы рыб, содержащие виды, которые могут вырабатывать электричество: знаменитый электрический угорь, гимноты, а также электрический сом, электрические скаты, мормириды, ромбовые скаты, электрические звездочеты. Но ни одно сухопутное создание не обладает электрическими органами. Поэтому, если сообщения местных жителей о гибели верблюдов и геолога правдивы, и если, конечно, червь смерти существует — он должен быть очень необычным животным. Но каким именно?

Хотя разговорное название и внешний вид животного напоминают о черве, червь смерти едва ли может действительно являться земляным червем или родственным беспозвоночным. Некоторые земляные черви достигают паразитических размеров, и определенные виды даже выделяют струйки жидкости из различных отверстий тела; однако ни у одного из них не имеется водонепроницаемой кожицы, необходимой в условиях пустыни для предотвращения обезвоживания организма. Разумеется, в Гоби мог появиться высокоспециализированный земляной червь, у которого развилась подобная модификация, но примерами мы не располагаем и вероятность такого развития крайне низка. Далее, если червь смерти в самом деле способен производить электрические разряды, это потребовало бы от земляного червя еще более радикальной модификации и специализации.

Цецилии составляют таксономический отряд безногих земноводных; они обманчиво похожи на червей и ведут по преимуществу подземный образ жизни. Определенные ви-

ды могут достигать размеров, приписываемых червю смерти. Но, как и в случае настоящих червей, кожа цецилий водонепроницаема, и даже гигантская цецилия высохла бы в безводной Гоби — если только у нее, что маловероятно в случае данных амфибий, не имеется водонепроницаемой кожи.

Если сообщения о черве смерти соответствуют истине, он почти наверняка должен быть рептилией. Наиболее приемлемым кандидатом мне кажется необычайно крупный вид амфисбены. По причине червеобразного вида (большинство амфисбен не имеют конечностей) этих малоизвестных рептилий называют также черве-ящерицами, хотя с таксономической точки зрения они не являются ни тем, ни другим. Как и цецилии, они проводят большую часть жизни под землей и редко, обычно только после сильных дождей, появляются на поверхности. Все это близко соответствует рассказам о поведении червя смерти. Вдобавок, в отличие от настоящих червей и цецилий, кожа амфисбен водонепроницаема и гигантская разновидность не погибла бы от обезвоживания в Гоби.

С другой стороны, червь смерти по описаниям гладок, а у амфисбен присутствуют четко различимые чешуйки и ротовое отверстие. Все они, надо добавить, совершенно безвредны, что явно противоречит двойным убийственным талантам самого страшного обитателя Гоби. Естественно, можно предположить, что эти качества являются целиком и полностью апокрифическими и представляют собой не более чем суеверия. В конце концов, в некоторых областях определенные виды амфисбен и цецилий считаются смертельно ядовитыми, хотя в действительности, как упоминалось, они безобидны.

Многое из того, что говорилось за и против амфисбен в приложении к червю смерти, также приложимо к версии неизвестного вида очень крупной безногой ящерицы — подобной, скажем, хорошо знакомым нам ломкой веретенице или желтопузику. Однако этих ящериц, в отличие от амфисбен, трудно назвать существами червеобразными и подзем-

ными, и поэтому в целом последние больше соответствуют червю смерти.

И последняя, но не менее важная и наводящая на размышления версия: червь смерти может оказаться высокоспециализированным видом змей. Сходство внешнего вида и повадок между червем смерти, амфисбенами и безногими ящерицами применимо и в этом случае. Так называемые «плюющие» кобры дают нам знаменитый в своем роде прецедент созданий с удлинненным телом, способных поражать врага струей едкого яда. Более того, выступ на спине, приписываемый червю смерти, напоминает о связанном с кобрами виде шипохвостых ехидн (*Acanthophis* spp.); на конце хвоста у шипохвостой ехидны имеется вырост в форме червяка, с помощью которого змея приманивает добычу.

Эта австралийская змея наряду с коброй относится к аспидам; но, как показывает само ее прозвище («гадюка смерти»), она в ходе эволюции взяла на себя экологическую роль, в других местах отведенную настоящим гадюкам. Возможно ли, что неизвестный специализированный вид шипохвостой ехидны научился плевать ядом, как родственницы-кобры? Если так, это поможет объяснить свидетельства местных жителей относительно выделений червя смерти. Но электрический разряд?

Как ни удивительно, здесь может скрываться нечто большее, чем легенда. Если червь смерти — это змея с гладкими, плотными, крошечными и незаметными издала чешуйками, при передвижении по песку данные чешуйки могут, путем трения, создавать слабые электрические разряды. Такое явление называется трибоэлектричеством и уже наблюдалось у некоторых видов обитающих в песчаных местностях змей. Это, в свою очередь, могло породить преувеличенные описания мощности разряда; несложно представить, как такие рассказы передавались из поколения в поколения, обрастая фантастическими подробностями — и наконец возникла совершенно ложная убежденность в том, что животное убивает с помощью электрошока.

Итак, возможно ли, что за невероятным видом и повадками червя смерти скрывается настоящее, неизвестное науке животное, что завеса этой давней тайны скрывает новый вид, хотя и далекий от цветистых и пугающих подробностей местных рассказов? Не является ли червь смерти всего только созданием местного фольклора?

Любители научной фантастики, читая о монгольском черве смерти, наверняка вспомнят мир «Дюны» из прославленной серии романов Франка Герберта. Действие в них происходит на пустынной планете Арракис, где обитают гигантские и чувствительные к вибрациям черви Шай-Хулуд. Человеческие обитатели планеты могли «вызывать» их на поверхность, используя специальное вибрационное устройство.

Первая гобийская экспедиция Мацкерле и его команды явила классический сценарий трансформации научной фантастики в научный факт — участники экспедиции безрезультатно опробовали собственное вибрационное устройство¹. Во время второй экспедиции, они предпочли более решительный подход и прибегли к контролируемым взрывам в тех местах, где по словам кочевников обитали подземные черви смерти, надеясь, что взрывная волна заставит существ выползти на поверхность. К сожалению, их вторичный призыв также остался без ответа, и черви смерти так и не появились.

В последние годы и другие экспедиции, помимо команды Мацкерле, бороздили необъятные просторы южной Гоби в поисках предполагаемого «чудовища», но ни одна из них не увенчалась успехом.

К ним относится экспедиция британского исследователя криптозоологических феноменов Адама Дэвиса в 2003 году, экспедиция Центра фортеанской зоологии (ЦФЗ) в 2005 году и недавняя экспедиция из двух человек во главе с новозеландским журналистом Дэвидом Фэрриером в августе 2009 года. К несчастью, никому из участников не удалось

¹ Собственно говоря, искатели «червя смерти» в итоге просто колотили по песку обрубками дерева (*Прим. ред.*).

не то что поймать, но даже увидеть червя смерти (местный житель сообщил экспедиции ЦФЗ, что один убитый экземпляр увезли русские зоологи, но не привел никаких имен или подробностей). Тем не менее, были собраны некоторые информативные анекдотические свидетельства; и Адам Дэвис, и команда из ЦФЗ осмотрели и сфотографировали резное изображение предполагаемого червя смерти (правда, с глазами) на выставке в отдаленном музее Гоби.

Показательно, однако, что новое поколение кочевников Гоби (как с удивлением убедились участники недавних экспедиций) едва ли не чаще гоняет на кроссовых мотоциклах, чем на верблюдах, и многие прячут в складках традиционных халатов мобильные телефоны. Вероятно, и традиционные рассказы и верования старейшин теряют для них свое значение.

Сказав все это, не стоит забывать, что неудачи этих экспедиций могут объясняться совсем иными причинами. Некоторые местные жители уверяют, что черви смерти в последние годы попадаются все реже. Кто знает — быть может, как раз тогда, когда мир наконец узнал о монгольских червях смерти и заинтересовался ими, они начали безвозвратно уходить в небытие.

Какая ирония судьбы! Невольно вспоминается профессор Рой Чепмен Эндрюс, который с серьезным видом пообещал монгольскому премьер-министру в 1922 году, что при встрече с червем смерти в Гоби непременно попытается изловить одно из этих ужасных существ с помощью длинных стальных щипцов для сбора коллекций. Учитывая историю о незадачливом геологе, ткнувшем в ужасное существо железным прутом, профессору Эндрюсу и его команде, можно сказать, сильно повезло!

Комментарии

Рой Чепмен Эндрюс.
Из книги «По следам первобытного человека»

Книга Р. Ч. Эндрюса (1884-1960) *On The Trail of Ancient Man* с первым упоминанием олгой-хорхоя вышла в свет в Нью-Йорке в 1926 г. Соответствующий отрывок дан по русскому изданию («По следам первобытного человека», Л., 1927). В квадратных скобках дана знаменитая фраза Эндрюса, по неизвестной причине опущенная в русском переводе.

Рой Чепмен Эндрюс. Аллергорхай-хорхай
(из книги «Новое завоевание Центральной Азии»)

Впервые: *New Conquest of Central Asia: A Narrative of the Explorations of the Central Asiatic Expeditions in Mongolia and China, 1921-1930* (N.Y., 1932).

Иван Ефремов. Олгой-хорхой

Рассказ был написан в 1942-1943 гг. и впервые опубликован в авторском сборнике «Пять румбов» (1944) под названием «Аллергорхой-Хорхой».

Описание олгой-хорхоя Ефремов, еще не побывавший в то время в Монголии, заимствовал у Эндрюса. Разумеется, Ефремов досконально изучил книги Эндрюса; в документальной повести «Дорога ветров» (1958) он вспоминает, как часто перелистывал «Новое завоевание Центральной Азии». Та же «Дорога ветров» свидетельствует, что в Монголии советские палеонтологические экспедиции 1940-х гг. нередко шли по стопам американцев, раскапывая первоначально разведанные и отмеченные теми перспективные районы с залежами останков ископаемых существ.

В первоначальном заглавии рассказа Ефремов использовал транскрипцию Эндрюса (*allergorhai-horhai*) и только позднее исправил

заглавие на более правильное «Олгой-хорхой». Еще позже появилось авторское послесловие, где Ефремов, избегая каких-либо отсылок к Эндрюсу, почти дословно повторил его фразу из книги «Новое завоевание Центральной Азии». Сравним:

Эндрюс: *«Вероятно, это совершенно мифическое животное, но оно может иметь под собой и некоторую реальную почву, ибо всякий монгол с севера твердо верит в его существование и все они приводят в общем и целом одно и то же описание».*

Ефремов: *«Это легенда, но она настолько распространена среди гобийцев, что в самых различных районах загадочный червяк описывается везде одинаково и с большими подробностями; следует думать, что в основе легенды есть правда».*

Вероятно, замалчивание «первенства» Эндрюса в описании олгой-хорхой у Ефремова было вызвано не столько политическими причинами, сколько личным и ревнивым отношением к успехам американского исследователя. Характерно, что с именем Эндрюса связан и еще один из немногочисленных ефремовских «монстров»: в созданной в 1940-х гг. повести «На краю Ойкумены» под видом гишу, «ужаса ночей, пожирателя толстокожих» описан эндрюсарх, обнаруженный экспедицией Эндрюса в 1923 г.

Внимательный взгляд обнаружит явное родство олгой-хорхой с жуткими «медузами» и полыхающими молниями «крестами» планеты Железной звезды из «Туманности Андромеды» (1957). Но до космической эпики романа было еще далеко — сила ранних рассказов Ефремова состояла в сочетании «документально-художественной» манеры с научно правдоподобными фантастическими гипотезами. Даже сравнительная безыскусность еще не «набившего руку» автора, как ни странно, пошла рассказу на пользу. Отвратительные черви гобийских песков и нелепая гибель случайно столкнувшихся с ними радиста и шофера геодезической экспедиции были описаны в нем с такой зримой достоверностью, что почти не вызывали сомнений в документальном характере происшествия. Очень естественно выглядело и замешательство рассказчика, который все не мог решить, как именно расправлялись с жертвами смертоносные черви: не то разбрызгивали яд, не то испускали мощный электрический разряд. Заметим, что у Эндрюса нет ни слова об электрических «способностях» олгой-хорхой и что рассказ Ефремова еще в 1950-х гг. был переведен на французский и чешский языки (позднее писал о нем и К. Шукер). Поэтому не исключено, что в позднейших историях об испускаемом «червем смерти» электрическом разряде сказалось влияние рассказа Ефремова — эту версию мог

невольно подсказать информантам своими расспросами или приписать им тот же чех И. Мацкерле (см. ниже). Как бы то ни было, убедительный «образ» олгой-хорхоя в сознании читателей (да и писателей) прочно связался с его создателем и породил небольшую галерею олгой-хорхоев в советской фантастике.

Иван Ефремов. Из повести «Дорога ветров»

Документальная повесть об экспедициях в Гоби «Дорога ветров» (1958) — единственный текст, где Ефремов в связи с олгой-хорхоем упоминает об Эндрюсе.

А. и Б. Стругацкие. Из повести «Страна багровых туч»

Ефремовский образ «олгой-хорхоя» органично вплелся в ткань повести братьев Стругацких (1959), пестрящей отсылками к личности и произведениям Ефремова.

Спартак Ахметов, Александр Янтер. Синяя смерть

Рассказ С. Ахметова (1938-1979) и А. Янтера (И. Лапидеса, р. 1936) был впервые напечатан в 19-м выпуске сборника «На суше и на море» (М., 1979). С. Ахметов много лет дружил с И. Ефремовым и писал о нем и в художественных, и в мемуарных произведениях. Имя «Цэвэн» (Цевен), видимо, было взято авторами из «Дороги ветров», где старый монгол Цевен рассказывает об олгой-хорхое; начальник экспедиции Волков именем (Иван), внешностью и манерами близко напоминает Ефремова.

Ч. Богерт, Р. М. дель Кампо. *Sampoderma allergohaihorhai*

Эта мистификация известных герпетологов была напечатана в их солидной монографии *The Gila Monster and Its Allies: The Relationships, Habits and Behavior of the Lizards of the Family Helodermati-*

dae, опубликованной в 1956 г. как отдельный выпуск «Вестника Американского музея естественной истории»; как выяснилось позднее, Богерт — состоявший в то время куратором отдела рептилий и амфибий музея — решил издаваться таким образом над одним «занудным» коллегой. Название отрывку дано нами. Мистификации предшествовала статья не менее известного герпетолога Лоуренса М. Клаубера «Правда о пестрой ленте», напечатанная в шерлокианском *Baker Street Journal* (1948, vol. 3). Русскому читателю мистификация Богерта и дель Кампо стала известна в весьма вольном пересказе, который биолог и популяризатор И. Акимушкин (1929-1993) включил в качестве последней главы в свою книгу «Следы невиданных зверей» (1961).

Иван Мацкерле. В поисках червя-убийцы

Статья написана во второй половине 1990-х г. И. Мацкерле (1942-2013) — чешский путешественник, писатель, журналист. Известен как «искатель загадок» и сенсаций (изучал «замки с призраками» в Чехии, разыскивал криптидов в Европе, на Мадагаскаре и в Австралии, искал замок Дракулы в Трансильвании, следы инопланетян в Монголии и т. д., а в 1998-2002 гг. редактировал чешский журнал паранормальных явлений «Фантастические факты»). В 1990, 1992 и 2004 гг. организовал три экспедиции для поисков олгой-хорхоя в пустыне Гоби; в ходе последней из них был использован сверхлегкий летательный аппарат. Публикации Мацкерле способствовали «новому пришествию» олгой-хорхоя.

Адам Дэвис. Червь смерти

Впервые: *Fortean Times* (2004, август). А. Дэвис — британский правительственный служащий, известный исследователь-криптозоолог; в поисках криптидов побывал в Конго, Норвегии, России, Монголии, Китае, Непале на Суматре и в США. На основе полевых дневников написал книгу *Extreme Expeditions: Travel Adventures Stalking the World's Mystery Animals* (2008) и *Manbeasts: A Personal Investigation* (2014).

Карл Шукер. Монгольский червь смерти

К. Шукер (р. 1959) — английский зоолог, криптозоолог, автор многочисленных книг и статей, с 2012 г. основатель и редактор «Журнала криптозоологии». Благодаря публикациям Шукера олгой-хорхой, получивший название «монгольского червя смерти», стал широко известен в фортеанских и криптозоологических кругах. Наиболее полное на сегодняшний день описание олгой-хорхоя содержится в его книге *The Beasts That Hide from Man: Seeking the World's Last Undiscovered Animals* (2003); мы приводим более краткую и актуальную версию, опубликованную на сайте исследователя. Одно из утверждений Шукера нуждается в комментарии: по словам участников экспедиции ЦФЗ (2005), гобийцы придерживаются мнения, что причина редких появлений олгой-хорхоя в последние годы — не вымирание, а шум мотоциклов и автомобилей, наводнивших пустыню вместо традиционных лошадей и верблюдов.

На обложке книги — работа А. Томлинсона. На фронтиспise — иллюстрация Д. Фолла к чешскому переводу (1956) рассказа И. Ефремова «Олгой-хорхой».

Оглавление

От составителей	7
Р. Ч. Эндрюс. Из книги «По следам первобытного человека»	8
Р. Ч. Эндрюс. Аллергорхай-хорхай. <i>Пер. М Фоменко</i>	10
И. Ефремов. Олгой-хорхой	12
И. Ефремов. Из книги «Дорога ветров»	34
А. и Б. Стругацкие. Из повести «Страна багровых туч»	36
С. Ахметов, А. Янтер. Синяя смерть	39
Ч. М. Богерт, Р. М. дель Кампо. Samproderma Allergorhaihorhai. <i>Пер. М. Фоменко</i>	61
И. Мацкерле. В поисках червя-убийцы. <i>Пер. В. Барсукова</i>	79
А. Дэвис. Червь смерти. <i>Пер. В. Барсукова</i>	91
К. Шукер. Монгольский червь смерти. <i>Пер. М. Фоменко</i>	101
Иллюстрации на вкладке	68
Комментарии	109

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.